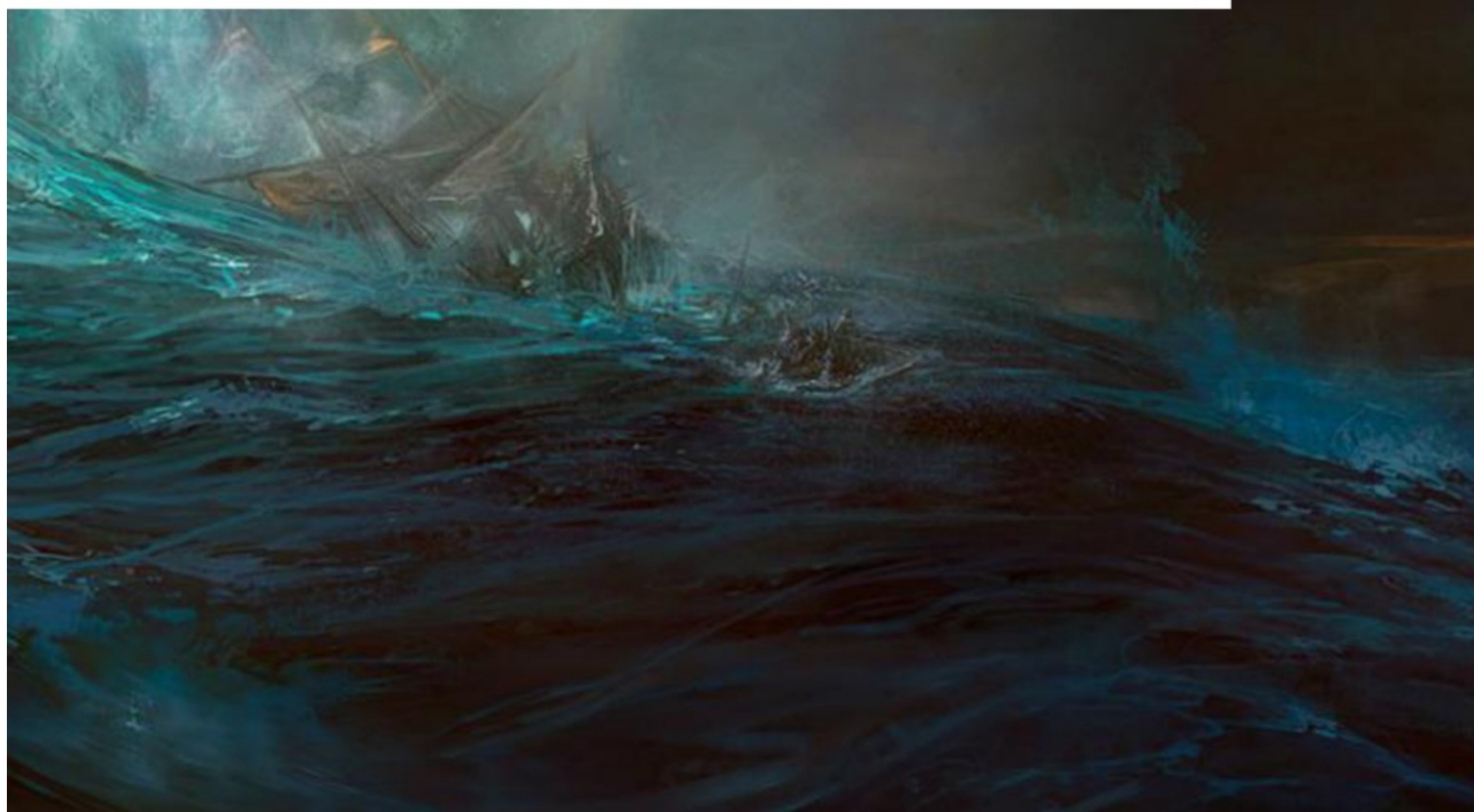

Сергей Пациашвили

Крещение Новгорода

Часть 2.

Сергей Пациашвили
Крещение Новгорода. Часть 2

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Пацашвили С.

Крещение Новгорода. Часть 2 / С. Пацашвили — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Роман в четырёх частях, начало цикла романов "Калинов мост". На его страницах оживают такие исторические персонажи, как князь Владимир, Добрыня, посадник Воробей, верховный волхв Соловей и прочие герои "Повести временных лет". В одной Вселенной с ними уживаются былинные и сказочные персонажи, такие как Василий Буслаев, Садко, Вольга, Костя Новоторожанин, Михаил Потык, Никита Кожемяка, Микула Селянинович, а так же Кощей Бессмертный, баба яга, Соловей-разбойник, вампиры и колдуны. Вторая часть романа описывает события крещения Ростова, последовавшие сразу после крещения Новгорода и при помощи новгородцев.

© Пацашвили С., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Глава 1.

Чародей и вампир.

Колёса на повозке скрипели так неприятно и так часто, что для тех, кому не посчастливилось на ней ехать, эта поездка казалась невыносимой пыткой. Тройка лошадей, напрягаясь всеми своими мускулистыми телами, тащила за собой повозку, на которой была установлена огромная деревянная клетка. В таких клетках бродячий балаган обычно перевозит диких животных, которых затем показывает публике в своих представлениях. Но сегодня в ней были не медведи и не волки, а компания людей в кольчугах и чёрных плащах. Колдуны. Вождь их хмуро оглядывался по сторонам, его жабы глаза и без того всегда были на выкате, сейчас же наполнились каким-то неистовством, будто бы намеревались выскочить из орбит. Его, вождя клана Змея, могучего Усыню пленили. И пленили даже не чародеи, а мерзкие создания, презираемые всем чародейским миром – упыри. Эти существа сейчас были повсюду, понукали коней, смеялись над пленниками, кривили свои клыкастые морды. А Усыня меж тем пытался собраться с мыслями, чтобы понять, как такое стало возможно, и что их теперь ждёт. Вскоре он увидел того, кого считал вождём этих кровососов. Худощавый, угловатый, коротко стриженный. Он очень напоминал собой человека, а его клыки хорошо скрывала борода.

– Эй ты, куда вы нас везёте? – спрашивал вождь Усыня.

– На суд, куда же ещё, – отвечал вождь упырей, – вас велено доставить живыми.

– Велено? И кто же велит такому сильному существу, как ты?

– О, есть существа и более могущественные, чем я, и куда более могущественные, чем ты, могучий вождь.

– Как твоё имя, кровосос?

– Свои именуют меня Бессмертным, прочие – Кощеем.

– Кощей? – ещё больше удивился Усыня, – так ты раб? Может ты и не вурдалак вовсе, а лишь голем, искусственная игрушка в чьих-то руках?

– О, нет, – расхохотался чему-то Кощей Бессмертный, – я был когда-то человеком, даже колдуном. Но то было очень давно, много веков тому назад.

– Так ты из древних? Почему же столько лет о тебе никто не слышал?

– Прежде я не обладал таким могуществом, – отвечал вождь упырей. Казалось, его даже забавляет этот разговор, он отвечал очень охотно и живо. И тем ужаснее он казался вождю Усыне. Это страшное сильное существо обладало каким-то разумом. Вождь колдунов снова и снова вспоминал свою первую встречу с Кощеем и то потрясение, которое он испытал от этой встречи. Дело, которое казалось ему совсем простым и мелким, повергло его в такое ужасное положение.

Ни для кого не было секретом, что там, где происходят тяжёлые бои или какие-то страшные бедствия обрушиваются на людские головы, появляются упыри и предлагают своё мнимое спасение. Так случилось и под Черниговом после возвращения князя Владимира и крещения Киева и Новгорода. Князь Всеволод Додон терпел одно поражения за другим, уступал все захваченные прежде города, уступил в конце концов свой родной город Чернигов и укрылся в маленьком городке на окраине своих владений – Муроме. Быстро дошли вести о том, что в Киеве погиб вождь чародейской дружины – Кривша. До Усыни дошла новость о гибели в Новгороде его близкого товарища – Богомила Соловья. Правда, вождь клана Змея не сразу понял, о каком Соловье идёт речь. На Руси прозвище «Соловей» в те годы было очень распространено, и, пожалуй, самым известным Соловьём был вождь клана белых волков – Вахрамей. Но Вахрамей был жив, а погиб Богомил, который незадолго до этого так же в Новгороде был прозван Соловьём. Эта весть очень опечалила Усыню, но больше всего его встревожила невозможность сразу же отомстить новгородцам. Нужно было сражаться, пытаться вернуть себе Чернигов. Дружина колдунов избрали себе нового вождя – лидера клана Вепря – Дубыню. Но

ему уже никто не подчинялся, даже колдуны из его клана. Можно было с полной уверенностью сказать, что чародейской дружины больше не существует, и теперь каждый клан сам за себя. И тут-то объявились эти упыри под Черниговом, которых ни один из новоявленных болгарских или русских богатырей не мог унять. Вождь Усыня вспомнил о своём долге и решил покарать кровососов. Вероятно, он надеялся за это получить какое-нибудь шаткое перемирие с врагами и тем самым избежать страшной участи других колдунов, которых теперь беспощадно истребляли и изгоняли с русской земли. Но то, с чем столкнулся тогда вождь клана Змея, потрясло его до глубины души.

Когда колдуны нападали на упырей, то всегда старались делать это днём, а не ночью. Днём кровососы были слабы, солнечный свет отнимал у них силы. Ночью же у них было явное преимущество перед врагом. Упыри прекрасно ориентировались в темноте и были на порядок сильнее. И в этот раз колдуны, как и положено, пошли в атаку днём, но наткнулись не на слабых трусливых полужверей, а на стойкий отпор. Упыри выстроились в боевой порядок, чего прежде у них никто не наблюдал, они вооружились копьями и щитами и до конца не показали врагам свою спину. Но больше всего чародеев поразил вождь упырей – Кощей Бессмертный. Увидев замешательство среди колдунов, Усыня сам набросился на кровососа и силой рубанул ему мечом по шее. Однако голова упыря осталась сидеть на своих плечах, а меч прошёл, как через тесто, немного застрял, но вышел с другой стороны. Шея кровососа, правда, как-то неестественно выгнулась, но тот лишь наклонил голову на бок, хрустнул позвонками, и всё стало на место. Усыня ударил снова и попал в сердце, Кощей взял голой рукой острие меча и вынул из себя. Ни одно из известных смертоносных для вампиров средств не действовало на него. Упыря атаковали многие, но все безуспешно. Все были ранены и взяты в плен, вождя Усыню обезоружил лично вождь упырей. Колдунов тогда погибло немного, в основном все были схвачены живыми. Более ужасной участи, чем попасть в плен к этим существам, чародеи не знали. Но никаких пыток и издевательств вслед за пленением не последовало. Колдунов посадили в деревянные клетки, которые, видимо, были специально приготовлены для этого предназначения, а затем повезли куда-то в сторону леса.

– Скажи мне, если ты и вправду был колдуном, – обратился к Кощею вождь Усыня. – Мне всегда было интересно. Как в твоей голове укладывается столько воспоминаний? Ты же жил много веков, многое видел. Как вообще можно оставаться упырём, зная так много?

– Хм, невозможно помнить всё, – отвечал Кощей, почти не задумываясь, – ведь в таком случае мы бы жили только прошлым. Я помню далеко не всё. Я совсем не помню песен, которые пели люди в прежние времена, почти не помню городов древности и прежних книг. Я лучше всего запоминаю лишь те зверства, что люди совершали друг с другом. Помню варёных в кипятке детей, помню вырезанные города, помню жертвоприношения колдунов. О, люди так жестоки и так отвратительны, что я в самом деле не понимаю, за что они ненавидят нас, упырей.

– Люди и чародеи делают много зла, – возражал ему Усыня, – но это разные люди, а не все сразу. Нельзя всех мерить одной меркой.

– Разве это я, мудрый вождь, мерю всех одной меркой? – даже удивился Кощей, – нет, это вы, колдуны всех людей объявили одинаковыми, ниже себя. Да ещё христиане, которые всех людей причислили к роду человеческому, ведущему начало от Бога. А потому преступления одного человека – это преступления всего рода. Разве нет? Я хорошо помню это зло человеческого рода, но для меня и вы, чародеи, ни чем не лучше. Да и мы, упыри, такие же.

– Да, ты очень злопамятный, я это вижу, – молвил вождь колдунов, – и воистину, с таким тяжёлым грузом, как злая память, можно быть только чьим-то рабом.

– Все мы чьи-то рабы, – философски заключил Кощей Бессмертный.

А меж тем путь их приближался в конце, и вскоре они оказались в небольшой деревне, хорошо укрепленной высокой деревянной стеной. Эта местность будто бы показалась колдунам знакомой, многое указывало на то, что здесь жили чародеи, и не просто чародеи, а непре-

менно оборотни. Вождь Усыня начал уже о чём-то догадываться, когда его привели в главный терем. Здесь его уже ожидал местный вождь. Он изменился в лице, постарел, постриг коротко волосы, но в его начисто выбритом лице и немного волчьем профиле легко можно было узнать Вахрамея Соловья, того самого, который в своё время убил Буслая во время жертвоприношения и тем самым косвенно повлиял на становление Василия Буслаева.

– Так это твоих рук дело? – спрашивал Усыня, кивая на Кощея, который тоже был здесь.

– О, да, – улыбался Вахрамей, – эти упыри служат мне, как и оборотни в этом хуторе.

– Он очень силён. Я слышал о похожих чарах. В древние времена упыри могли достигать невиданного могущества. Но тогда чар в мире было больше, следовательно, и чародеи были сильнее. Со временем чары умирали вместе с чародеями и уходили из нашего мира. В конце концов, чародеи стали слабеть. Но сегодня я увидел что-то невероятное. Твой Кощей... твой... как такое возможно в наше время?

– Я нашёл новый источник чар, – отвечал Вахрамей, – и этот источник открыл мне путь к невиданной, запретной силе. Только я знаю место его нахождения. Этот источник позволил мне подчинить своей власти древнего упыря и сделать его воистину бессмертным.

– Глупец, – бросил ему Усыня, – ты понимаешь, что ты натворил? Если ты погибнешь, он всё равно останется жить, он же всех нас погубит. А может и ещё раньше. С чего ты взял, что сможешь им управлять?

– Да, если я умру, он получит свободу. Но пока я контролирую его разум, и, более того, я единственный знаю, где находится его смерть.

– Но ты не бессмертен, Вахрамей. Когда-нибудь ты умрёшь, и тогда он станет свободным. Зачем? Я не понимаю, зачем ты так рискуешь собой и всем мирозданием?

– Зачем? – лицо Вахрамея теперь наполнилось гневом, – ты спрашиваешь меня, зачем? Что ж, великий вождь, я расскажу тебе. Помнишь, как всё начиналось, когда мы только начинали собирать чародейскую дружину? Мой клан был одним из первых, которые примкнули к новому союзу. Более того, сам союз был моей идеей. Я долгое время служил волхвом в Чернигове, я подружился с князем Всеволодом и через него собрал вас, четверых великих вождей. Затем мы склонили на свою сторону князя Владимира. Мы сделали Перуна своим верховным богом. Всё это было моя заслуга. Я должен был стать вождём чародейской дружины, я должен был заседать в Киеве и оттуда править вместе с князем. Но когда я высказал это, что вы все, великие вожди, ответили мне?

– Мы сказали, что ты не чистокровный, и не можешь быть вождём над нами.

– Вот именно. И избрали этого Крившу, будь он проклят. Вы даже и понятия не имели, зачем нужен этот союз, зачем нужна чародейская дружина. Только я это знал, только я вынашивал этот план. И что в итоге? Я остался не у дел. Но я нашёл способ отомстить. Я устроил покушение на князя Владимира. Покушение в высшей степени глупое, его жена Рогнеда не смогла его убить. Но из-за этого он распустил чародейскую дружину, а в скором времени принял христианство. Теперь я завершу то, что начал. Теперь мне не нужна никакая чародейская дружина. Я вступил в союз с силами, которые принесут мне ещё большую власть. И вы, великие вожди, поможете мне в этом, хотите вы того или нет.

– Как же ты нас заставишь? – смотрел ему прямо в глаза Усыня.

– Я не буду ничему вас заставлять. Вы просто будете делать то, что и так уже делали. Воевать против христиан и князя Владимира. Поэтому я велел сохранить тебе жизнь, вождь Усыня, я отпущу тебя. Но только в этот раз. В следующий раз, если перейдёшь дорогу Кошею, он тебя прикончит. А теперь ступай, продолжай свою войну, и знай, что я рядом.

Кощей с равнодушным видом молчаливо наблюдал за разговором. Он всё понимал и, возможно, в глубине души ненавидел своё рабское положение, но он так же понимал, что при малейшей попытке взбунтоваться, его разум откажется ему подчиняться. Вахрамей сможет изменить или стереть его воспоминания, сделать просто марионеткой в своих руках, что

угодно. Такому рабству Кощей предпочитал рабство при трезвом уме. Когда Усыня ушёл, Кощей остался с Соловьём наедине.

– Ты, наверное, очень горд собой, оборотень? – вымолвил упырь.

– Когда-то я был простым полукровкой, без будущего, без власти. А теперь я могу по праву считать себя самым могущественным чародеем на свете. Могущественнее всех чистокровных.

– Твоё могущество создано на обмане. Ты провёл и меня, когда обещал мне бессмертие, а сделал своим рабом. Но в этом мире есть существа, куда более могущественные, чем ты, и, однажды, они покажут тебе свою власть.

– Ты злишься на меня, Кощей? – даже удивился Вахрамей, – напрасно, ведь я дал тебе новую жизнь, новое имя, новую цель. Мы теперь связаны с тобой, мы вместе будем править этим миром. Я нашёл новый источник чародейской силы, но этот источник есть лишь путь к чему-то большему, путь к бессмертию. Я стану бессмертным так же, как стал и ты.

– Источники силы просто так не возникают, – скептически говорил упырь, – по сути, они есть дыры, тайные порталы между миром мёртвых и миром живых. Эти порталы между мирами возникают, когда какое-то существо вырывается из мира мёртвых в мир живых.

– Ты знаешь, что это за существо, Кощей?

– Я знаю, что оно намного могущественнее нас с тобой, и оно набирает силу.

– Ну что ж, надеюсь, однажды мы с ним встретимся и одолеем его вместе. А ты, друг мой, отправляйся снова к Чернигову. Думаю, колдуны больше не будут тебе мешать собирать наше войско.

Усыня не смог скрыть тревогу и волнение, преследующие его после сегодняшней встречи. И его люди заметили серьёзную перемену на его лице. Особенно чародей по имени Мстислав, который единственный в клане выглядел совершенно противоположным образом, нежели Усыня. Не было ни тонких длинных усов как у сома, ни длинных волос, голова вообще была лысой, зато лицо был щедро украшено густыми усами и большой бородой лопатой. Чародеи вернули колдунам их коней и оружие, и теперь они спешно покидали хутор.

– Куда теперь, владыка? – спрашивал Мстислав у вождя.

– Мы возвращаемся к Чернигову, – отвечал Усыня, – нужно уводить войско от города.

– Мы нарушим приказ вождя Дубыни и уйдём с войны?

– Исход этой войны скоро решится и так, без нас. Сейчас нам нужно затаиться и готовить себя для настоящей войны.

– Пока другие колдуны будут сражаться, мы будем прятаться? – удивлялся Мстислав. В последнее время он всё чаще перечил вождю.

– Войско Владимира больше наших сил в несколько раз. Оно сомнёт всех на своём пути. Князь Всеволод Додон уже сбежал из Чернигова в Муром. Сейчас лучше затаиться и переждать. Поверь мне, я знаю, что киевский князь недолго будет праздновать свою победу. Скоро и без нас на него обрушатся страшные бедствия.

С этими словами Усыня направил своего коня вперёд на лесную дорогу, по которой они прибыли сюда. Другие колдуны поехали за ним. Они торопились, и от топота их коней сотрясалась земля. Усыня едва не раздавил двух путников, одиноко разгуливающих по лесу. В последний момент они успели отскочить в сторону, чтобы пропустить всадников. Это были совсем молодые юноша и девушка. Оба сильно похожи при том, что и сильно отличалась. Она была рыжеволосой, длинные волосы убирала в пушистый хвост на затылке, глаза голубые, лицо щедро украшено веснушками и по-своему даже очень милое. Парень так же носил длинные волосы, которые, однако, были русого цвета, лицо было совершенно белым, лишь с небольшой бородкой и усиками. Девушка несла в руке какую-то корзину, её спутник имел за поясом длинный меч.

– Похоже, сестрёнка, переговоры уже закончились, – вымолвил с улыбкой он.

– Наш отец опять добился, чего хотел, – отвечала девушка.

– Похоже, его чучело навело страху на колдунов. Вишь, как торопятся. Хорошую соба-чёнку завёл себе наш отец.

– Ты про Кощея? – спрашивал девица, – он тебе не нравится, Чеслав?

– Ты же знаешь, что нет. Он упырь, а мы – чародеи. Раньше мы убивали упырей, или делали своими рабами. Но никогда не позволяли действовать самостоятельно.

– Таково решения нашего отца, – стояла на своём девица, – и раз уж мы его дети, мы должны ему покориться.

– А я смотрю, Авдотья, Кощей-то тебе понравился, – вдруг чем-то разгневался Чеслав, – я видел, как ты смотрела на это животное.

– Может и нравится. У меня же нет мужа, а Кощей – сильный и взрослый, он бы любой понравился.

– Ты – гадкая дрянь, – выругался Чеслав и больно схватил её за руку, – нарочно дразнишь меня?

– Убери руки, братец, ты всё равно мне ничего не сделаешь, – без тени страха отвечала ему Авдотья. И Чеслав, вскипая от гнева, покорился. Девушка же с презрительной гримасой пошла вперёд, и, не поворачивая головы к своему спутнику, заговорила:

– Разве это не ты сделал меня такой? Разве не ты научил меня любить и сделал женщиной, как только мне исполнилось тринадцать?

– У нас один отец, сестрица, но разные матери, у колдунов такие союзы не запрещены.

– Это чтобы сохранить чистоту крови. Но мы не колдуны. И если у нас появится ребёнок, мы пропали.

– Он не появится, – уверенно говорил Чеслав, – ты же пьёшь те отвары, которые не дают тебе зачать?

Он даже чему-то похотливо заулыбался и попытался приобнять сестру за талию, но она ускорила шаг и вполне серьёзно заговорила:

– Всему приходит конец, братец, я хочу быть матерью. Хочу детей, но не от тебя.

– От кого, от Кощея? – усмехнулся Чеслав, – упыри же бесплодны, это всем известно.

– Всё равно. Я хочу другого мужчину, ты надоел мне, братец.

Лицо Чеслава теперь исказила мука и боль. Он обогнал свою сестру и заговорил, глядя ей прямо в глаза:

– Хочешь бросить меня, хочешь оставить меня? А как же я буду здесь один, без тебя? Я старше тебя, Авдотья, но отец всё равно не разрешает мне жениться. Если ты покинешь меня, у меня не останется больше никого.

– Бедный мой, несчастный братец, – обняла его Авдотья. От прежнего хмурого презрения на её милом личике не осталось и следа. Теперь оно выражало сочувствие и нежность. Чеслав крепко обнял её, а затем так же крепко поцеловал в слегка пухлые губки.

– Никогда не оставляй меня, – почти шёпотом произнёс он.

– Не оставлю, – отвечала Авдотья.

Догадывался ли Вахрамей о тайной связи своих единственных законных детей? Возможно. Но он редко видел их, и даже не сразу узнал о рождении Чеслава от одной ведьмы. Затем от другой матери появилась на свет Авдотья, но прошло ещё не мало лет, прежде чем дети переехали в дом к отцу, и как раз тогда они и познакомились друг с другом. Чеславу было 14, ей – десять лет. Киев только крестили в веру Перуна, и Вахрамей в одночасье стал одним из самых влиятельных и самых могущественных чародеев на Руси. Его дети перестали в чём-либо нуждаться и не сразу поняли, в какую западню попали. В 17 лет Чеслав впервые задумал жениться и впервые столкнулся со строгим запретом со стороны своего отца.

– Не для того я родил тебя, чтобы ты женился на дочери просто кузнеца, пусть и чародейской крови, – сказал тогда Вахрамей.

– Н я люблю её, отец, – возражал Чеслав, – и она любит меня. Мы будем счастливой семьёй.

– Выбрось эту ерунду из головы. Я твоя семья, а ещё Авдотья. Хочешь бабу, пожалуйста, живи с ней, но без женитьбы. А не захочет, как хочет. Ты женишься в Киеве, на богатой девушке из знатного чародейского рода.

И Чеслав вынужден был оставить свою затею и подчиниться отцу. Он виделся ещё несколько раз со своей возлюбленной, но она, зная себе цену, наотрез отказалась жить с ним без брака. Сын тогда так и не посмел перечить отцу. Сердце юного чародея разрывалось от боли, и, казалось, никто не сможет утешить его страданий. Но тут близкому человеку, его родной сестре понадобилась его забота. Редкая и странная болезнь поразила Авдотью, и юная красавица вдруг напрочь перестала ходить. Ноги не слушались её, чародеи поначалу ничем не могли помочь, хоть и быстро поняли, что это какое-то сильное проклятие, насланное кем-то из врагов Вахрамея. Чеслав лично ухаживал за своей сестрой, и она была ему за это бесконечно благодарна. Он больше всех жалел её, как и она его, и однажды так случилось, что они стали слишком близки друг другу. Тогда Чеслав впервые познал женщину, а она впервые познала мужчину. Они поклялись, что всегда будут верны друг другу. Вскоре Вахрамей смог отыскать своего недоброжелателя и снять проклятие с дочери.

Авдотья снова начала ходить, но теперь мир для неё изменился. Появилась какая-то зависть и мстительность к людям. Ещё во время болезни девушка стала очень злопамятна, запоминала в мелочах всё зло, кто какое делал, просила относить себя на казни преступников и наблюдала за ними. С мужчинами она была приветлива и улыбочива, и сама нарочно искала их общества, но брат всегда следил, чтобы ни один мужчина не стал слишком близок к ней. Авдотья в тайне от отца от ведьм научилась искусству делать противозачаточные отвары. Так же тайком она начала изучать всякие запретные чары, которые изучали только лесные феи. Феи жили отшельникам и в отличии от ведьм ни один мужчина в здравом уме не стал бы брать одну из них в жёны. Любовь брата и сестры так же хранилась к глубокой тайне. Вскоре вся их жизнь стала превращаться в сплетение тайн и мелких секретов. Это сказалось и на их характерах. Они стали всегда говорить со всеми намёками, недомолвками, а Авдотья так и вовсе создала вокруг себя такую ауру загадочности, что казалась порой просто сумасшедшей, отчего, однако, только ещё больше нравилась мужчинам, поскольку иной раз казалась им сущим ребёнком, капризным и недоступным. Но в силу этого любовники были очень несчастны. Не редко они ссорились и не спали вместе по множеству дней или даже недель. И всё же затем страсть побеждала страх, и вопреки всему они снова тянулись друг к другу. Чеслав старался полностью контролировать жизнь сестры, она же пыталась уловками и обманом вырваться из этого контроля, дразнила брата, выходя на прогулки с другими мужчинами. Несколько раз Чеслав настолько злился на Авдотью, что сам пытался жениться, даже вопреки воли отца. Но затем яростный порыв остывал, и сын мирился с очередным запретом своего отца. Наконец, Чеслав смирился со своей судьбой и даже возрадовался ей. Ведь, если отец не хотел женить его, то из этих же соображений не хотел выдавать замуж и Авдотью. В душе дети желали, чтобы их отец никогда не поселился жить в Киеве, и тогда они всегда были бы вместе. Но любить друг друга, скрываясь от всех, игнорируя насмешки и подозрения окружающих, было невыносимо. И тогда они искренне желали отцу достичь того могущества, о котором он мечтал. Но Вахрамей всё больше отдалялся от всей цели. Четыре клана колдунов рассорились друг с другом, не поделив земельные владения, а потом между ними разгорелась война. Когда война утихла, Вахрамей организовал покушение на князя Владимира, но замысел не удался, а заговорщиков схватили. Те выдали своего господина. Теперь Соловей был вне закона, а чуть позже вне закона стали и все чародеи. Всеволод Додон – черниговский князь как мог сплотил вокруг себя распавшуюся чародейскую дружину и предпринял попытку захвата торгового пути «из варяг в греки». Попытка эта почти удалась, но всё же обернулась неудачей. Вахрамей терял могущество, но

всё же не отчаивался. Пока шла война двух князей, он проживал в своём небольшом хуторе в чаще леса, и его дети жили с ним. Здесь их никто не мог найти. Но под пристальным надзором отца Чеслав и Авдотья боялись спать вместе и лишь изредка, украдкой, когда уходили в лес, позволяли себе это.

Союз с Кощеем оборотни из клана Белого Волка поддержали не сразу. Но Вахрамей их уговори. Оборотни всё же доверяли своему вождю и готовы были идти за ним, как и прежде. К тому же они, как и Чеслав, верили, что этот союз есть лишь временная мера, и однажды Вахрамей избавиться от своего зловещего помощника. И лишь Авдотья понимала, а, может, не понимала, а лишь чувствовала, что Кощей куда более могущественен, чем думают другие, и куда более важен для Вахрамея. И пока её брат точил зуб на упыря, она пыталась разгадать эту тайну и узнать как можно больше о загадочном Кошее Бессмертном.

Глава 2.

Богатыри.

Велика была сила витязя Василия Буслаева, было в ней даже что-то не человеческое, словно не было у неё границ, как у берегов Днепра. Как только его признали головой в Людином конце и выплатили виру за убитого отца, тут уже никто не мог с ним сравниться в славных подвигах и славе. Уже почти год минул после крещения, много испытаний выпало на долю новгородцев, и много подвигов совершили местные богатыри. Но слава Василия Буслаева превзошла их славу, хоть сам он и не был богатырём. Христианские воины как бы даже не противились этому. Садко будто бы нарочно воспевал в песнях подвиги Василия, и при этом намеренно преувеличивал его силу уже до совсем сверхчеловеческой. Вот Василий вместе с богатырями пошёл на разбойников, вот спас жизнь посаднику Стояну на охоте, изловил упырей, мучивших сельский люд, лично крестил несколько деревень и помирил меж собой. Слава его росла, и церковь только способствовала этому. Как известно, тогда на Руси своих святых не было, уже много позже первыми русскими святыми станут сыновья князя Владимира, братья-мученики – Борис и Глеб. После крещения же русская церковь остро нуждалась в своих героях. Оттого Василий Буслаев в один год из мятежника и дебошира превратился в главного заступника христианской веры в Новгороде, и многие уже в открытую стали называть его богатырём. К легендам о Василии часто примешивались и образы языческих богатырей, память о которых князь Владимир так тщательно пытался стереть. Христиане не противились такой славе, ведь воспетый в языческих песнях витязь сражался теперь за христианскую веру, стало быть, покался, и уже это должно было привлекать язычников в новую веру. Василий же как и прежде жил в Людином конце и никак не хотел принимать славу богатыря, которая так и следовала за ним по пятам.

Голова любил восседать на высоком холме на берегу Волхова, с которого было видно весь Славенский конец, как на ладони. Когда-то здесь был и его дом, а теперь Людин конец стал его пристанищем. Мерно и тихо протекала река Волхов, воды её проходили под заново отстроенный мост, словно серебристая нить в игольное ушко. Могучее тело витязя было похоже на скалу. Василий упирал палицу в землю, клал сверху на её ручку ладони, а широкий подбородок ложил на руки и так долгое время проводил в молчаливой задумчивости. В таком положении застал его весной нового года и Садко, который теперь любил расхаживать по городу в боевом облачении, а поверх кольчуги постоянно свисал золотой крест на серебряной цепочке.

– Ишь ты, ну и хлыщ, – улыбался Василий, завидев издалека друга.

– Так и знал, что найду тебя здесь, – пожал ему руку Садко и уселся рядом.

– А где мы быть ещё? – молвил Василий, – весь Новгород, как на ладони.

– Да, красиво, – залюбовался и сам Садко, – эх, Вася, Вася. Мне бы твою славу. Просиживал бы я штаны в Людном конце, как же.

– Ты сам мою славу создал, Садко. Тем и себя прославил. Гляди-ка, у тебя теперь всё есть. Даже женился на дочери богатого купца. Всех удивил.

– Да, многие, наверное, сдохли от зависти. Но Житомир-купец сам, что называется, попался. Не захотел платить десятину церкви. Давай, говорит, Садко, я лучше тебе откуп дам, а ты за это напишешь, что я всё оплатил. Таких у меня много. Но с купца я ни гривны не взял, дай, говорю, лучше дочь свою замуж. Он и согласился. А ведь был бы ты богатырём, Вася, тоже бы денегу немалую в кармане бы имел.

– Денег у меня и без того хватает, – отвечал Василий, – в золоте не хожу, но так все дружинники в старину жили. А они были гораздо лучше нашего.

– Опять за своё, – завёл глаза Садко, – да пойми ты уже, не вернуть те времена. Тогда народ и не знал ещё почти, что такое золото. А сейчас из Царьграда его мешками везут. Как тут не взять? Только дурак не возьмёт. Ну... я не про тебя сейчас.

Под конец Садко даже смутился под хмурым взглядом друга и замолчал. Так какое-то время они просидели молча, пока не заговорил сам Василий:

– Ты зачем искал-то меня, чего хотел?

– Да вот хочу всё сманить тебя к нам, чтобы ты богатырём стал. Только теперь об этом не только я прошу, но и сам отец Иоаким.

– А ему какая нужда?

– В поход мы скоро выходим. Нам нужен воевода, сильный, прославленный. Мы тут пока с Вольгой это место поделить не можем, а время идёт, нужно уже отправляться.

– Что за поход?

– А ты разве не слышал? Князь наш, Владимир совсем уже близко к городу. Но в Новгород идти не хочет, хочет, чтобы мы вышли к нему навстречу. Немалое войско собрал. Чую, большая битва намечается. Ну, Вася, пошли с нами. А то ведь Костю Новоторжанина позову. Он с нами точно пойдёт. Представь, если твой сотник станет богаче тебя, когда вернётся.

– Костя без меня не пойдёт, – уверенно отвечал Василий, – хотя мог бы, у него верных людей не меньше, чем у меня, но только сам он меня почитает за старшего и во всём меня слушает.

– Может и не пойдёт, – согласился Садко, – но ведь пойти захочет. А ты его непустишь, так ведь ты и ему жизнь подпортишь, как он потом будет в глаза Иоакиму смотреть? Самый старый христианский герой, и остался здесь. Ну же, Вася, сам отец Иоаким за тебя слово держит. Давай же. Ну скажи, разве ты никогда не мечтал командовать целым своим войском? Тебе нужно только самому креститься, прилюдно. А то ведь ты весь Людин конец крестил, а сам до сих пор ещё вроде как не крестился.

– Как же я не люблю все эти прелюдии и церемонии. В конце концов, Садко, воеводу назначает не Иоаким, его выбирают богатыри.

– Если всех своих воинов к нам приведёшь, то их будет больше, чем в моём войске или войске Вольги. Вот они тебя и выберут.

– Эх, что-то как-то нечестно получается.

– Опять ты со своим честно-нечестно. Все уже давно поняли, что тебе место среди самых достойных, а не в Людином конце. В дружину ты не захотел, чтобы оставаться свободным. А в богатырском войске у тебя будет больше всего свободы. Только отец Иоаким над тобой начальник, а он в этом деле человек не опытный. Почитай, ты сам себе голова. Разве ты не этого хотел?

– Пожалуй, что и так, – задумался Василий, – надо ещё подумать. Я тебе позже ответ свой дам, а ты мне пока расскажи по подробнее, что за поход, и каким чёртом князя Владимира в наши края занесло?

– Знал, что ты спросишь, – лукаво подмигнул ему Садко. – Как ты знаешь, княже наш Всеволоду Додону так хорошо врезал, что тот спрятался аш в Муроме. Чернигов быстро крестили и посадили там богатыря Святогора. Кстати, из наших, не из болгарских. А меж тем князь все города, что в своё время завоевал Всеволод, стал отвоёвывать обратно. В некоторых

из этих городов засели чародеи, так что их отбить было особенно сложно. И так по пути из варяг в греки, а точнее, наоборот, из грек к варягам наш князь вместе с богатырским воеводой Анастасом и подобрался постепенно к Новгороду. Теперь он хочет крестить Ростов, для того и зовёт нас к себе на помощь. Ростовский народ упрям, там живут не только славяне, а большей частью чужд. Путята – их боярин, после того, как нас крестил, так к себе в Ростов и не возвращался, боится. Надо их срочно крестить.

– И когда выдвигаемся?

– Как только у богатырей появится воевода.

На какое-то время Василий снова погрузился в раздумье. Он не любил всякого рода церемонии, но сейчас дело было особенное. Судьба словно сама давала ему в руки власть, о которой он сам, было, на время позабыл. И Василий велел Садку передать отцу Иоакиму своё согласие на церемонию крещения, сам же отправился к себе домой, чтобы как следует подготовиться. Вечером верхом на своём мощном жеребце богатырь направился к строящемуся Софийскому собору. Князь Добрыня (а он теперь официально стал новгородским князем) и посадник Стоян были так же здесь. Храм теперь строили не деревянный, а каменный, и стройка была ещё в самом разгаре. Эхо на всё помещение разносило грозный голос князя Добрыни:

– Как хочешь Стоян, но до сени нужно крышу закончить. Пойдут дожди, и наверх уже никто не полезет, а там уже опять до весны. Как службы-то проводить здесь?

– Всё, что от меня зависит, владыка, я делаю, – отвечал Воробей, – но я же не чародей, не могу сотворить чуда. Где взять ещё людей?

– Будут тебе люди, – говорил Добрыня, – скоро мы отправляемся в поход. Бог поможет, привезём тебе много пленных язычников. И тогда....

В этот момент через порог храма перешагнул богатырь в кольчуге и шлеме, перед этим свою огромную палицу он оставил у порога вместе со щитом.

– Ты как на войну собрался, Василий, – молвил Стоян, – зачем тебе кольчуга в храме божьем?

– В Славенском конце без кольчуги появляться нельзя, – отвечал им сын Буслая, – к вам у меня веры нет.

– Всё боишься измены? – ухмыльнулся Добрыня, – если ты покрестишься в нашу веру, мы будем братьями, и тебе нечего будет бояться.

В это время в храм вошёл Костя Новоторжанин, перекрестился и поклонился знатным особам. Нужно сказать, что внешность его теперь претерпела некоторые изменения. Теперь он отрастил длинные волосы и даже стал носить густую щетину, таким образом, его изуродованного уха и шрамов на лице было почти не видно.

– От бога, который заставляет верящих в него есть свою плоть можно ожидать чего угодно, – продолжал меж тем Василий.

– Вася, – укоризненно посмотрел на него Костя.

– Ты пришёл в храм, чтобы хулить нашу веру? – гневался князь.

– Нет, я пришёл, чтобы креститься в неё. Но креститься я буду в кольчуге, как воин, а не как овца, или агнец, как вы их называете.

– Так не пойдёт, – возразил Добрыня.

– Тебе нужен богатырский воевода, князь? – спросил его Василий, глядя прямо в глаза Добрыне, и при этом подошёл к нему так близко, что Стояну даже стало неловко от такой дерзости, и теперь он не сводил удивлённого взгляда со своего князя.

– Нужен, – отвечал Добрыня, так же глядя в глаза сыну Буслая.

– Тогда крестите меня, но на моих условиях. Чтобы все знали, что я не преклонился перед вашим богом, а пришёл к нему как равный.

– Равный богу? – не выдержал и вскрикнул Стоян, – ну это уже слишком Вася! Ты эти шуточки оставь, а то я не посмотрю, что ты мне жизнь спас.

– И что же ты сделаешь, посадник? Бросишь мне вызов, встретишься со мной в поединке, как мужчина с женщиной? Нет? Я так и думал.

Костя, слыша такие речи, стал всё больше выходить вперёд, чтобы в случае чего преградить путь своему другу к глупым поступкам. Он так делал уже ни раз, и, если бы не он, возможно, Василий давно бы уже рассорился с князем.

– Я предлагаю тебе поединок, – заговорил вдруг Добрыня. – Проверим, кто из нас лучше в бою против колдунов. И достоин ли ты быть воеводой. Если справишься с командованием целого войска, проси для себя всё, что пожелаешь. А если не справишься, понесёшь любое наказание, какое я тебе придумаю. Ну что, принимаешь вызов?

Василий в напряжении стиснул зубы, отчего на щеках его выступили желваки. Уже год прошёл после крещения Новгорода, и с тех пор не прекращались его препирания и споры с Добрыней. При том, что Василий ещё при первой их встрече после крещения сказал:

– Я не хочу тебе мстить, ведь я человек не злопамятный. Отец учил меня, что дружинник не должен быть злопамятным. Если не можешь отомстить сразу, то не стоит копить злобу в душе и становиться зависимым.

– Значит, помиримся? – спрашивал его тогда Добрыня.

– Тот, кто не является мне врагом, не обязательно приходится мне другом. И всё же, нам вместе править Новгородом. Мне в Людином конце, тебе в Славенском. Будем же править в мире.

Тогда Добрыня удовлетворился и этими словами. Но с тех пор возмужавший сын Буслая не уставал дразнить и всячески провоцировать князя. Всё людинскому голове сходило с рук, правда князь постоянно чинил ему всякие препятствия, вызывал людей из его барства на суды, некоторых сурово наказывал за их проделки и постоянно старался в обход Василия приблизить к себе кого-нибудь из людинских сотников. Неизвестно, чем бы закончился их сегодняшней спор в храме, если бы не появился отец Иоаким и не позвал Василия с собой. Костя поклонился архиепископу и потянул с собой друга, Добрыня облегчённо вздохнул. Он давно уже устал от дерзости этого героя, но более сильного героя в Новгороде ныне не было. Одно хорошо, что Василий хоть сдержал обещание и крестил Людин конец, за это ему можно было простить его дерзость и всякие разбойничьи проделки.

– Не хочешь снимать кольчуги, не снимай, – говорил меж тем архиепископ Василию, – только смотри, не утони в реке.

– В реке? Я буду креститься в Волхове?

– Конечно, как и все новгородцы.

И они уселись на коней и уехали прочь. Звук их копыт становился всё тише, пока совсем не утих.

– Сначала Буслай мне покоя не давал, а теперь и щенок его, – молвил им во след Добрыня, – ну, ничего, пусть только попробует дерзить Владимиру. Он с ним живо разберётся, он таких выскочек не жалуется.

Сумерки уже окутывали своими объятиями небо, красный солнечный диск опускался на линию горизонта. Народу возле реки было совсем немного, стук лошадиных копыт далеко разносился эхом. Несколько всадников спустились на тихий берег Волхова, один в серебристой кольчуге, остальные в рясах.

– Я слышал, митрополит Михаил лично идёт крестить Ростов, – говорил Василий, – надо же, я думал, знатные ромеи не любят походной жизни, особенно священники.

– Отец Михаил не всегда был таким знатным, – отвечал Иоаким, – раньше он был простым миссионером, жил в степи, терпел лишения, как и все.

– И ты тоже?

– Я вырос в Херонесе, это богатый город. Но когда князь Владимир взял его в осаду, мы все узнали, что такое голод и лишения. Они перекрыли нам источники воды, и вода в колодцах стала словно из болота.

– И после этого ты служишь ему?

– Я служу господу-Богу. Господь послал мне испытание, я должен выдержать его с достоинством и обратить как можно больше язычников в истинную веру. Эта моя миссия, план бога на мой счёт. Что ж, Василий, ступай в воду с того помоста. Я буду стоять на нём, а ты должен будешь трижды окунуться в воду.

Богатырь оставил палицу, шлем и щит на берегу, а сам вошёл в воду. Вода была холодной, но уже не ледяной, тяжёлая кольчуга тянула ко дну, и нужно было иметь большую силу, чтобы удержаться на плаву. Василий подплыл к помосту, архиепископ прикоснулся к его голове и опустил её в воду.

– Крестится раб божий Василий, во им отца, сын и святого духа.

– И всё? – вынырнул в третий раз Василий.

– Можешь сказать «аминь».

Василий молча выбрался из воды. Здесь Костя сразу же обернул его в ткань, вытер насухо волосы. Кольчуга теперь казалась ещё тяжелее из-за промокшей одежды.

– Теперь богатырская клятва, – продолжил отец Иоаким, – повторяй за мной. я, раб Божий – Василий, перед лицом господя нашего клянусь: исправно и мужественно нести свою службу, учиться смирению и послушанию у духовных лиц, бить врагов истинной веры без всякой жалости или обращать их в христианскую веру. Клянусь, что никогда не отниму жизнь у христианина, не причиню ему тяжёлых увечий, не позволю ему страдать от нехристианской веры и погубить свою душу, перейдя в веру иную, клянусь до самого Страшного Суда быть верным воином Христа – богатырём, на этом свете и на том. Если же я нарушу свою клятву, то пусть церковь отречётся от меня, и меня постигнет кара, достойная самого страшного врага христианской веры. Во имя Отца, Сына и Святого Духа, аминь.

Василий Буслаев повторил всё слово в слово и даже перекрестился. Здесь, с отцом Иоакимом ему почему-то совсем не хотелось спорить и перечить. Архиепископ был из тех людей, которые без насилия и угроз внушали уважение всем, кто их знал. Василий знал, что от отца Иоакима точно не следует ожидать какой-нибудь подлости и обиды и потому поневоле проникся к нему доверием.

– Завтра соберём твоё братство, – меж тем говорил архиепископ, – теперь они все богатыри. Будем выбирать воеводу. Уверен, ты справишься, богатыри тебя очень уважают.

– Ты – хороший человек, владыка, – вымолвил вдруг Василий, – не понимаю, почему ты служишь Добрыне?

– Я уже говорил тебе, я служу только Богу, а всё остальное – лишь испытание. Советую и тебе нести такую же службу, иначе пропадёшь. В походе ты обязан будешь выполнять приказы Добрыни. Правда, Добрыню ты ещё можешь послушаться, но мой тебе совет, не вздумай послушаться князя Владимира. Он всегда добивается своего, может пойти на любые жертвы ради цели. Если ты встанешь у него на пути, то будешь уничтожен без всяких колебаний. Ведь люди для него только препятствия на пути к его великой цели, и эти помехи он убирает без малейшей жалости. Я ещё не встречал в своей жизни человека, который бы так одержим своей целью. Он не перед чем ни остановится. Правда, с ним сейчас отец Михаил, он сможет сдержать князя, остановить, если тот слишком разойдётся. Но ты, Вася, всё равно лучше ему не перечь.

– Посмотрим, – отвечал лишь новый богатырь.

Василий прекрасно помнил, какова была главная цель князя Владимира, которая сделала его Киевским князем и столь могучим правителем. Изначальная цель была довольно проста – месть. Печенеги убили отца князя – Святослава, и теперь любой ценой нужно было отмстить.

Уже больше десяти лет прошло с того дня, как князь Владимир полный решимости, начал свою месть печенегам, совершая один поход за другим. Колдуны, князья, народ поддерживали его в этой войне, все шли за его правдой. Печенеги упорно сопротивлялись, они собрали несметную орду и однажды даже взяли в осаду Киев. И, несмотря на это, они терпели поражение. До тех пор, пока между сторонниками Владимира не начался раздор. Колдуны и князья стали ссориться между собой, иные отказывались поклоняться Перуну, прочие говорили, что месть уже осуществилась, и нет смысла продолжать войну. Но князь Владимир считал, что месть его не закончится, пока последняя орда печенегов не будет уничтожена. Возможно, за эти годы он уже заметил, что его месть и его правда уже серьёзно укрепили его владения и сплотили народ. Но теперь князь задумал немислимое, он решил заручиться в своей войне поддержкой ромеев. Только для этого Владимир пришёл на византийскую землю и помог императору подавить восстание. Он рассчитывал, что ромеи оплатят ему добром за добро, и за его помощь помогут одолеть печенегов. Но они сказали, что помогут ему только в том случае, если князь и его дружина примет христианскую веру. Князь Владимир согласился, ради своей правды. Таким образом, одна месть создала великую державу – Русь, обратила её в христианство и даже позволила киевскому князю породниться с самым могущественным семейством во Вселенной – императорским родом из Царьграда.

На следующий день после крещения Василия новгородские богатыри заполнили весь недостроенный Софийский собор. Здесь было не продохнуть. Кто-то усаживался на подоконнике, кто-то прислонился спиной к стене, остальные же стояли так и ожидали. Садко сидел на возвышении по левую руку от Добрыни, по правую руку от князя сидел отец Иоаким. Вольга сидел рядом с Садком. Костя Новоторжанин стоял вместе с другими богатырями, расположившимся у стены и о чём-то с ними беседовал. Здесь же плечом к плечу стояли братья-евреи Лука и Моисей.

– Чёртов мальчишка, – ворчал Добрыня, – пока он прибудет из Людина конца, уже наступит полдень.

Но не успел он это сказать, как ворота распахнулись, и в храм вошёл Василий в сопровождении своих сотников. Бодро хромал сын Чурилы – Потамий, чуть позади шёл сотник Клим Сбродович со своими шестью младшими братьями, один из которых так же теперь был сотником. Пришли они без кольчуг, в простом, даже слишком обычном своём одеянии, отчего со стороны были похожи на шайку разбойников. Хомя Горбатого среди них не было, он уже давно поступил на службу в войско Садка и там стал сотником. Василию тут же кто-то освободил место у стены, и он расположился там вместе с пребывшими товарищами. Храм, нужно сказать, всё равно всех не вместил, и многие остались на улице. Благо, что окон в храме ещё не было, и было слышно всё, что происходило внутри. Отец Иоаким поднялся с места.

– Друзья мои, – заговорил он, – мы собрались здесь сегодня для того, чтобы избрать воеводу для великого похода к Ростову. Здесь сидят три старшины богатырских воинств: Святослав Вольга, сын Бориса, Садко, сын Волрога и Василий, сын Буслая. Кто-то из них должен стать воеводой над богатырским войском. Так поднимите же руки те, кто хочет, чтобы воеводой стал Василий. Хорошо, теперь поднимите руки те, кто хочет видеть воеводой Садка. Спаси Бог. А теперь пусть поднимут руки те, кто хочет, чтобы воеводой стал Вольга.

Богатыри последовательно поднимали руки и не преподнесли никаких неожиданностей, больше всего голосов отдали за Василия Буслаева. Добрыня поднялся с места и провозгласил:

– От имени богатырей Новгорода объявляю Василия Буслаева воеводой богатырского войска.

И богатыри радостно заликовали. Едва Василий поднялся на ноги, как его схватили и понесли на руках, и так вынесли его из храма.

– Что прикажешь, воевода? – спросил Костя.

– Что ж, товарищи, если завтра мы отправляемся в поход, то сегодня мы должны выпить всё вино в городе.

Тут уже все богатыри дружно направились в сторону кабака. Кабацкий люд при их виде стал разбегаться кто куда. Богатыри взяли сразу несколько бочек вина, но воеводы пока среди них не было. Василий был ещё на улице, где поймал Хому Горбатого.

– Хома, куда Садко запропастился? Неужто он гулять с нами не хочет?

– Ещё как хочет, – улыбался в ответ Хома, – только у его коня подкова слетела, поскакал к кузнецу.

Но не успел он договорить эти слова, как Василий, а вместе с ним Костя Новоторжанин и другие товарищи сами увидели приближающегося Садка, отчего все разразились дружным хохотом. Садко ехал верхом на большой, белой с рыжими пятнами корове, которая при этом охотно слушалась его и шла туда, куда он велел.

– Вот это зверь, вот это я понимаю, – слезал с коровы Садко, – хоть в поход на ней иди. Нет, Милка, ни на какого коня тебя не променяю.

И с этими словами он поцеловал корову прямо в морду.

– Да, с такой кобылой ты кого угодно затопчешь, – молвил в ответ Василий. А корова меж тем начала к нему-то принохиваться. Один из богатырей в это время ел яблоко и отвернулся на оклик друга. Когда же он повернулся обратно, то увидел, как корова одним движением стащила у него яблоко прямо из руки и начала жевать.

– Ах ты, стерва! – выругался он. Корова отвернулась и пошла прочь, но человек догнал её и с силой шлёпнул по задку. Корова ускорила шаг и даже немного пробежала. Но тут за неё вступился Садко.

– Ну-ну, свою бабу лапай, а мою не тронь, – вымолвил он и сам ещё сильнее шлёпнул корову по тому же самому месту. Та теперь ещё быстрее бросилась бежать и скрылась на людских улицах.

– Купеческая дочка не заревнует, Садко? – шутили над ним товарищи.

– Да нет, она у меня не ревнивая, – отвечал богатырь и в компании своих друзей направился в кабак. Здесь уже началась настоящая попойка, пили вино по обычаю сначала из ковша. Первым испил Василий, до дна, зачерпнул ещё, передал Садку, тот мигом осушил весь ковш, пошатнулся, но не упал. Затем зачерпнул уже Садко и передал Вольге, тот выпил, не моргнув глазом. Выпил и Костя Новоторжанин, но не до дна, поскольку твёрдо решил сегодня не напиваться. Дома его ждала молодая жена и маленький сын. Косте ещё нужно было успеть попрощаться с ними. Вскоре богатырь откланялся и отправился домой. Другие богатыри так не торопились к своим семьям, и даже Садко, хоть и женился совсем недавно, предпочитал оставаться с друзьями. Из двух не женатых старшин оставались лишь Василий и Святослав Вольга. Первый не имел недостатка в женском внимании, однако же не испытывал глубоких чувств к женщинам своего круга. По-настоящему его восхищали женщины из знатных семей, но не как предмет полового влечения, а как приятные собеседницы, одну из которых можно в будущем взять в жёны. Вольга же и вовсе не проявлял никакого видимого внимания к женщинам, что многим казалось странным, однако, чародеи всегда были странными людьми, а уже тем более оборотни.

– У тебя в войске много чародеев, – говорил ему уже опьяневший Садко, – князю Владимиру это может не понравится.

– Князю Владимиру много чего не нравится, – отвечал Святослав, – но волхв Родим лично присылает мне пополнение. Если я начну перечить волхвам, я перестану быть богатырским старшиной.

– Да, нет ничего хуже, чем от кого-то так зависеть.

– Все мы, Садко, зависим от кого-то. Я вот от волхвов, ты от Добрыни.

– Это верно, но вот Василий не зависит ни от кого, он сам по себе, поэтому его боятся и не любят. И если он даст слабину, ошибётся, его уничтожат. Мы, как друзья, должны заботиться о том, чтобы этого не случилось. Но если это случится, кто будет богатырским воеводой? Кто займёт его место, Святослав? Мы ведь с тобой так и не решили этот спор.

– Да, это хорошо, что Василий нас примирил. Наконец-то он стал богатырём. Теперь мы все верны одной клятве.

– Даже двум клятвам, – поправил его Садко, – и старой клятвы Симарглу никто не отменял. А вот как сочетать меж собой эти две клятвы, если вдруг одна начнёт противоречить другой?

Вольга ничего не ответил на это. К этому времени хмельной Василий придумал новую забаву. Он давал крепким богатырям в руки щит и пытался ударом палицы сбить их с ног. Некоторые падали, иные оставались на ногах, лишь пошатнувшись от удара. Святослав оторвался от беседы с Садком и взялся за щит. Василий с дружеской улыбкой принял его вызов и под всеобщее ликование нанёс удар. Вольга удержался на месте, не пошатнулся и даже не моргнул. Велика была сила оборотня из серых волков. После, когда Василий уже устал от забав, богатыри принялись выдумывать свои потехи. Садко уже довольно пьяный взялся поднимать палицу воеводы. Но у богатыря ничего не вышло, палица осталась неподъёмной. Богатыри расхохотались, а Садко предложил Вольге испытать себя. Святослав ко всеобщему удивлению поднял неподъёмную палицу. Василий даже немного отрезвел и уставился обеими глазами на друга. Но Вольга не смог нанести удар, и, шатаясь из стороны в сторону, так и уронил булаву на пол.

Глава 3.

На реке Клязьме.

Река Клязьма протекала по большей части на Ростовской земле, будучи левым притоком великой русской реки Оки. Именно возле неё договорились встретиться и соединиться друг с другом два крупнейших войска, одно из которых шло из Киева под командой самого князя Владимира, а другое из Новгорода под командой князя Добрыни. Их дружины усиливались войсками богатырей, которых в Киеве возглавлял воевода Анастас Корсунянин, а в Новгороде теперь – Василий Буслаев. Войско Владимира начало свой путь из Чернигова и потому быстро достигло условного места. Войско Добрыни задерживалось и подошло к реке намного позже. Князь новгородский отправил разведчиков, чтобы те отыскиали стоянку князя киевского, а сам принялся ждать.

Все в этот момент вспоминали князя Владимира, когда его видели в последний раз, и выяснялось, что это было очень давно. Василий плохо помнил великого князя, он был ещё ребёнком, когда Владимир с войском двинулся на Полоцк, а затем и на сам Киев. Князь запомнился богатырю молодым и энергичным, но при этом невероятно хитрым и обожаемым простыми новгородцами. Владимир умел прислушиваться к новгородской дружине, но мог убедить её разными способами поступать по-своему, привлекал союзников со стороны, например, из варяг. Теперь уже прошло много лет, и князь Владимир предстал перед новгородцами несколько другим. Случилось это как-то совершенно буднично, в ясный летний день. Тогда два войска, наконец, соединились и стали располагаться на стоянку. Кто-то пошёл к реке за водой, кто-то разводил костры, иные и вовсе отправились на охоту. Вместе с тем несколько киевских всадников уже возвращались с охоты, везли с собой несколько подбитых зайцев, привязанных теперь с боку к коням, а сзади на привязанных к скакунам носилкам везли небольшого мёртвого кабана. Всадники направились прямо к новгородцам, и тогда-то Василий и признал в одном из них знакомое продолговатое лицо. Как и прежде тяжёлая челюсть с двойным подбородком сильно выпирала вперёд, вместе с недлинным носом с горбинкой и нависающими надбровными дугами она придавала князю всегда особенно мужественный вид. Но первое, что бросилось в глаза – это то, что у Владимира больше не было длинных русых волос, кото-

рые так нравились новгородским женщинам. Теперь он зачем-то стригся коротко, видимо, на ромейский манер, борода стала на порядок длиннее, а взгляд стал куда более серьёзным, чем прежде. Могло показаться, что прежние весёлость и задор князя куда-то пропали. Владимир раньше любил шутов и сам иной раз мог довести своими шутками до слёз. Князь мог высмеять любого, даже самого знатного дружинника, но тут же мог подшутить и над самим собой или помириться с боярином через какую-нибудь невинную шутку. Теперь он выглядел куда более суровым и в то же время более величественным, смотрел соколом впереди себя, держался осанисто, жесты были широкие, и в каждом из них присутствовала какая-то своя сила и повелительность. Ни один мускул не дрогнул у него на лице, когда он уверенно спрыгнул с коня и заключил в объятия новгородского князя.

– Принимай подарок, Добрыня, – вымолвил он, указывая на тело кабана, – наша добыча к вашему столу.

– Ох, благодарю, владыка, – улыбался Добрыня и вместе с тем послал несколько человек забрать кабана. Те тут же принялись его разделывать, ловко при помощи нескольких кинжалов содрали шкуру, вынули органы.

– Значит, идём теперь на Ростов воевать? – спрашивал теперь Добрыня у князя, прогуливаясь рядом с ним.

– Думаю, войны не будет, – отвечал киевский князь, – чудь наскоком не покоришь, они народ упрямый. Здесь нужно иначе действовать, и много времени убить. Сейчас сделаем лишь первый шаг.

– В Киеве и Новгороде мы с язычниками не церемонились, владыка.

– Тогда было другое положение, Добрыня. Всеволод сидел в Чернигове, угрожал захватить торговый путь, нужно было действовать быстро. Сейчас Всеволод спрятался в Муроме, он слаб и не опасен. Кстати, митрополит Михаил очень не доволен остался тем, как ты крестил Новгород. Он говорит, много крови было пролито, что может только отвратить людей от христианской веры.

– Ты не хуже меня знаешь, князь, что такое Новгород, – отвечал Добрыня.

– Знаю, князь. Но всё же повторять такое не следует.

– И как тогда поступим с Ростовом? И с Муромом, в котором Всеволод хозяйничает? Пока крестить не будем?

– Мы потеряли слишком много сил и времени на войне с Всеволодом. Тогда мы торопились, теперь же нужно действовать постепенно, не торопиться. Основные торговые пути у нас в руках, можно немного отдохнуть. А что касается Додона... У него ещё слишком много тайных друзей на Руси, если будем нажимать на него, опять начнётся война, и все наши враги сплотятся вокруг него. Колдуны ещё очень сильны, а рядом с Муромом гуляют печенеги, не забывай. Если они заключат союз с Всеволодом, то нам придётся очень худо.

– А я смотрю, князь, ты полюбил степенность и неторопливость.

– Полюбил, – задумчиво отвечал князь Владимир. – Моя бабка – княгиня Ольга в чём-то ведь была права: войну можно выиграть не только натиском, но и терпением и даже лаской.

Однако такие слова заставили Добрыню сильно насторожиться. Он привёл сюда целое войско, сделал Васюку Буслаева воеводой. Вся эта дружина пришла сюда не для того, чтобы полюбоваться на киевского князя, а, чтобы сражаться. И если им не дать настоящей битвы, то они, пожалуй, могли и взбунтоваться. Особенно Добрыня переживал за Василия, который пока ещё не знал о разговоре новгородского князя с князем киевским. И всё же, нужно было что-то придумать, иначе за мятежного воеводу можно было впасть в немилость у киевского князя. Решение, однако, пришло к Добрыне как-то само собой. До него дошли известия, что в окрестностях Клязьмы находился один из разбойничьих отрядов, состоящий из чародеев. Муром не мог прокормить всех сторонником Всеволода Додона, и потому многие чародеи и ополченцы рассеялись по русской земле и принялись сами добывать себе пропитание. Один

из таких отрядов бесчинствовал сейчас на Ростовской земле. Князь Владимир хотел отправить против чародеев своих богатырей, но Добрыня настоял на своём и вместе с несколькими сотнями витязей отправил самого воеводу Василия. Садко и Вольга со своими дружинами остались на месте, с Василием отправился лишь Костя Новоторжанин. Всё это выглядело несколько необычным. На мелкое поручение отправлялся сам богатырский воевода. Василий, однако, покорился воле князя, помня советы отца Иоакима. Молчание воеводы прервалось, когда он уже отправился в поход со своими богатырями и Костей Новоторжанином, которому пришлось теперь выслушивать недовольство своего друга.

– За этими разбойниками можно гоняться вечно, – негодовал Василий, – они могут вообще уйти с Ростовской земли, и тогда мы никогда их не настигнем. А всё это время богатырями будет командовать Добрыня, и они преспокойно будут сидеть себе на берегу Клязьмы.

– Нам дали возможность проявить себя, – возражал ему Костя, – мы покажем себя киевскому князю, добудем себе славу, пока другие будут сидеть на Клязьме.

– Славу? Очнись, Костя, мы на чужой, незнакомой земле, где многие местные даже говорят на другом наречии. Мы не знаем местности, не можем ни о чём расспросить местных, мы ищем иголку в стоге сена.

– Я думаю, для начала нам следует отправиться в ближайшее село, разорённое разбойниками, и оттуда уже начать поиски.

– Только был бы от этого прок.

До нужного хутора богатыри добрались относительно быстро. Но, как и говорил прежде Василий, проживали здесь не славяне, а меря, которые поклонялись своим богам и говорили на своём языке. Несмотря на то, что многие мужчины в хуторе были убиты, а жители ограблены, те, что остались в живых, с топорами и пиками вышли встречать гостей. Среди них были ещё совсем юные мальчишки, готовые, однако, отдать без раздумий свою жизнь. Оставалось только удивиться строптивости и отваге местной чуди, нелегко будет обратить это племя в новую веру. Костя с большим трудом жестами объяснил местным, что богатыри пришли с миром, чтобы покарать тех, кто напали на их село. Немало времени потратил он на то, что разузнать, в какую сторону отправился отряд чародеев, о численности и вооружении которого так ничего не удалось выяснить. Ближе к вечеру богатыри отправились в путь и остановились недалеко от хутора на ночлег. На деревьях богатыри подвесили за ноги туши убитых ими на охоте зверей, освеживали их и принялись разделывать. Затем готовые туши отправлялись на большие костры, где уже превращались в сочный и аппетитный ужин. Василий был не весел, и больше всего огорчало его отсутствие вина. Костя же, напротив, был доволен. Он словно вернулся в детство, когда вместе с Садком ночевал вот так вот прямо на улице, у костра, под открытым небом. И хоть после сна на голой земле тело потом болело и чувствовало себя каким-то помятым, что называется «земля притягивала», всё же здесь человек словно приближался к истокам и к загадке своего происхождения, к матери-природе, одновременно жестокой и щедрой к своим детям. А богатыри меж тем стали делиться меж собой своими впечатлениями от сегодняшней охоты, и в конце концов Потамий Хромой захватил своим рассказом всех. Уже прочие уста умолкли, и все теперь слушали его рассказ.

– Этот зверюга на меня бежит, а из головы у него торчит мой топор, – доносился весёлый голос богатыря в кругу сидящих у костра. – Мой конь аш на дыбы встал, я чуть в штаны на насорил. А кабан дал дёру в лес. Думаю, всё, ушёл зверь. Еду, смотрю, и следов крови уже не видно. И тут смотрю, лежит мой зверь на земле с огромным копьём в шее. Гляжу, подходит к нему охотник из местных и пытается его забрать себе. Я ему говорю: «Мой зверь, не видишь что ли, у него топор мой из головы торчит как гребень у петуха». А он смотрит на меня дикими глазами и ничего не понимает. Ну, думаю, беда. Как кабана делить будем? Говорю на пальцах ему, что мол разделим тушу пополам, по-братски. А он молчит и всё оглядывается на лес. А тут Кузьма с Игорем подъехали, мы этого кабана целиком на носилки взвалили и вместе

с копьём охотника увезли. А тот лишь смотрит, глазами хлопает, будто ничего не понимает. Даже не шевельнулся.

– А куда копьё его дели? – спросил вдруг Василий, который до этого думал о чём-то своём и не проявлял никакого интереса к беседе.

– Да вот оно лежит, – указал богатырь на землю.

Василий поднялся с земли, подошёл и стал рассматривать перепачканное в кабаньей крови копьё. И вдруг богатырский воевода пришёл в ярость и отшвырнул его в сторону.

– Эх ты, Потаня, – раздосадовал он, – не понял, кто у тебя в руках был? Копьё-то не из бронзы и не из меди, наконечник у него железный. Такие только в городе делают, а до ближайшего города здесь как пешком до Царьграда.

– То есть, ты хочешь сказать....

– Да, это копьё проклятых чародеев. Нам повезло, хлопцы, может, ещё вернёмся обратно быстрее, чем я думал. Наш враг где-то рядом, завтра же с утра отправимся в погоню.

Уставшие с дороги богатыри стали спешно ужинать и отходить ко сну. Завтра их ожидал тяжёлый день. Уже рано утром они верхом на своих скакунах отправились к тому месту, где богатырь вчера на охоте встретил незнакомца. Стали прочёсывать лес, рассредоточились по местности и теперь шли в один ряд. Оружие держали наготове, ожидая в любой момент встретить врага или дикого зверя. Наконец, богатыри что-то нашли и позвали своего воеводу. Вскоре Василий оказался на лесной опушке, на которой, очевидно, совсем недавно была чья-то стоянка. Повсюду были разбросаны обглоданные кости животных, на очищенном от травы месте лежала гора золы, оставшейся после костра. Василий запустил руку в эту залу и сдержанно улыбнулся, как охотник, видя попавшую в его сети добычу.

– Они рядом, – вымолвил воевода, – зола ещё тёплая, даже угли ещё не все дотлели.

– Всего один костёр? – удивился Костя, – видимо, их очень мало.

– Возможно, – согласился Василий, – а, может, они просто хотят, чтобы мы думали, что их мало. В любом случае, теперь мы знаем, что они где-то здесь, и они, видимо, тоже знают о нас. Нужно найти ещё следы.

И богатыри снова стали искать следы разбойников, пытаясь выследить их путь и угадать направление движения. Чародеи будто и не пытались скрываться, оставляя за собой массу следов. Но у Василия это не вызывало подозрений, и он вместе со своими людьми продолжал двигаться на восток.

– Так мы скоро и до Ростова дойдём, – вымолвил Костя.

– Тем хуже для них, – отвечал воевода с выражением охотничьего пса, – бежать им больше некуда. На востоке – Ростов, на юге – Клязьма, на западе – мы. На севере – новгородская земля, там они точно не уйдут от нас. Они в ловушке, и скоро мы их схватим.

Василий мечтал как можно быстрее разделаться с чародеями и вернуться к своим товарищам. Не то что он не любил битвы, скорее наоборот, но в этом походе хотел быть вместе со своим войском. К тому же, богатырь терпеть не мог выполнять чьи бы то ни было приказы. Другое дело – Костя, он был рад покарать язычников ради истиной веры. Истинный христианин видел в этой войне даже священную миссию. Так или иначе, но богатыри приближались к Ростову, куда их вели следы чародеев. Разбойники рисковали быть уничтоженными ростовской знатью, которая вряд ли была бы рада внезапным вооружённым гостям на своей земле. С их стороны было бы разумнее попытать удачу в бою с богатырями. И всё же, их встреча была для разбойников даже несколько внезапной. Большая низменность недалеко от Ростова, видимо, когда-то была маленьким оврагом, теперь же разрослась до настоящей долины, заросшей травой и даже тонкими как лошадиные ноги берёзками. Сверху было видно всё, как на ладони. Именно отсюда Василий увидел внизу группу всадников, которая издали больше походила на горстку муравьёв.

– Это они, – возбуждённо произнёс воевода, – за ними!

И богатыри, сотрясая землю копытами своих скакунов, рванули вниз. Кони рвались, опережая ветер, трава шелестела у их ног. Здесь, внизу, нужно было приложить немало усилий, чтобы по инерции не залететь в какое-нибудь дерево или густой кустарник. Чародеи быстро заметили за собой погоню, но не спешили отрываться. В конце концов, они остановились, развернулись и стали слезать с коней. Только один из них, молодой, с длинными русыми волосами, не последовал примеру своих людей и остался сидеть на коне. Богатыри тоже спешили, и, с копьями и топорами в руках пошли на врага. Впереди всех с палицей на перевес как всегда шёл Василий, чуть позади с копьём в руке шёл Костя. У чародеев вместо топоров были острые мечи, другие так же держали в руках копьё.

– Назови мне своё имя, – высокомерное произнёс вождь разбойников, восседающий на коне, – тот, который является вашим вождём.

– Мой имя – Василий Буслаев, – отвечал богатырь.

– А меня зовут Чеслав, сын Вахрамея Белого Волка, прозванного Соловьём. Моё имя длинное и знатное. Ты же, богатырский кощей, смеешь бросать мне вызов? Что ж, я покажу тебе твоё место. В атаку!

И чародеи пошли навстречу богатырям. Первые из них столкнулись с Василием Буслаевым и были жёстко отброшены ударами его огромной палицы. Разбойники тоже были одеты в кольчуги и мало походили на простых лихих людей. И всё же, первый натиск богатырского войска они не выдержали, и копьё Кости Новоторжанина даже как-то против его воли обагрилось кровью врагов. Сзади его толкали свои, спереди на него враги толкали своих, прямо к нему на клинок. Чародеи попадали в окружение, но тут первые ряды их отряда отступили, и их места заняли другие, куда более ужасные. Это были настоящие монстры – огромные белые волки, стоящие на двух ногах, словно люди, без кольчуг и щитов. Единственным их оружием были когти и клыки.

– Держать строй! – приказал Василий, – сомкнуть щиты!

И богатыри прижались как можно ближе друг к другу, выстави вперёд копьё. Теперь они не атаквали и не окружали, а приготовились к обороне. Оборотни, слово сорвавшись с цепи, ринулись в бой. Копьё не пробивало их толстой шкуры, звери перепрыгивали через щиты и рвали богатырей когтями. Гнев переполнял Василия, он размахнулся булавой и мощно ударил ей прямо по клыкастой морде. Удар такой силы убил бы любого человека, но оборотень лишь заскулил от боли и пополз обратно к своим. И всё же богатыри были в ужасе, они впервые столкнулись со столь страшным и сильным противником, и, несмотря на численное превосходство, вынуждены были отступать. Некоторые и вовсе бросились бежать, и среди них, к большому сожалению Василия, оказался и Костя. Но рано воевода записал своего товарища в ряды трусов. Костя Новоторжанин вместе со своими верными товарищами забрался на коней и ринулся в атаку уже верхом. Богатырские кони принялись топтать копытами страшных зверей, хоть и сами ужасно боялись. В руке у Кости был огромный кнут, взмахом которого он хлестал волкодлаков. Одним ударом богатырь обхватил оборотня кнутом за шею и потянул на себя. Зверь упал на землю и потащился волоком за конём, как когда-то однажды прокатился сам Костя, будучи привязанным к хвосту лошади. Теперь богатырь скакал, что есть мочи, оглядываясь на скользящего по земле и траве зверя. Наконец, оборотень обессилел и, оставив свои попытки встать на ноги, перестал сопротивляться. Теперь он терял свой звериный облик. Костя тут же спешил и поразил врага копьём. Другие богатыри со свистом и улюлюканием стали проделывать тоже самое, и вскоре под ударами кнутов оборотни были вынуждены отступать. Пришедший в ярость Чеслав громко выругался на неизвестном языке, а богатыри уже окружили его существенно поредевший отряд.

– Мы сдаёмся! Сдаёмся! – прокричал Чеслав с глубоким презрением в голосе. Он поднял своё копьё высоко вверх, остриём в небо, а затем воткнул его в землю и слез с коня. Другие разбойники сделали тоже самое. Увидел это, Василий Буслаев даже расхохотался.

– Теперь ты мой, Чеслав, как там тебя... знатный человек.

– Ты не победил, богатырь, – произнёс он с каким-то самоуверенным выражением лица, которое начало даже раздражать воеводу.

– По-твоему, это не победа? Может, мне убить тебя?

– Это ничего не изменит. Ведь как я уже сказал, я – знать, а ты всего лишь....

Но тут Василий окончательно пришёл в ярость и, схватив наглеца за горло, повалил на землю и принялся душить одной рукой.

– Я – сын боярина Буслая, новгородского дружинника, убитого твоим продажным папашей.

– Посмотри туда, сын Буслая, – прохрипел Чеслав и показал пальцем куда-то наверх. Василий взглянул и увидел наверху по бокам долины огромное число всадников. Здесь было не меньше тысячи отлично вооружённых воинов.

– Убьёшь меня, и ростовский князь с тебя шкуру спустит, – презрительно улыбался теперь сын Вахрамея.

– Думаешь, я поверю, что ростовская дружина пойдёт на стовор с грабителями и разбойниками?

– А ты не верь, ты сам спроси. Видишь, к нам уже гонец едет.

Действительно, от ростовского войска отделился один светловолосый всадник и направился к богатырям. С ними он заговорил на русском наречии:

– Чекленер, гонец великого князя Ошана хочет от имени князя говорить с вождём христианских богатырей.

– Он перед тобой, – вымолвил Василий. Лицо его в этот миг было страшным, какая-то смесь ярости и глубокой досады выражалась на нём.

– Князь Ошан требует отпустить сына Вахрамея, а вас просит проследовать вместе с вашими пленниками до города Ростова.

– Мы его пленники?

– Если не будете сопротивляться, вы всего лишь гости. Но своё оружие вы на время должны передать в руки великого князя Ошана.

Слушая всё это, Чеслав уже поднялся на ноги и теперь, улыбаясь, мерил Василия презрительным взглядом. Богатырям ничего не оставалось, как подчиниться ростовскому князю. Теперь они были такими же пленниками, как и поверженные ими чародеи.

Глава 4.

Владимир.

Тем временем на реке Клязьме не затихал стук топоров. Только топоры теперь сокрушали не живую плоть, а мощные стволы лесных деревьев. За короткое время здесь на пустом месте вырос целый хутор, обнесённый вокруг частоколом, защищающим войско от диких зверей, врагов из числа людей и прочих непрошенных гостей. Дружинники и богатыри на время превратились в землекопов и дровосеков. Пока, правда, из всех строений на погосте была возведена лишь высокая оборонительная крепость, которая открывала обзор на всю окрестность, строителям же пока приходилось, как и прежде, ночевать под открытым небом. Впрочем, этим не брезговал и князь Владимир, он давно привык к походной жизни и научился пренебрегать комфортом. Другое дело – Добрыня. В юные годы он и сам провёл не мало времени в походах, но теперь возраст давал знать о себе, и боярин очень плохо спал под открытым небом. Больше, чем кто-либо он мечтал вернуться в Новгород и даже завидовал митрополиту Михаилу, который проводил ночи в повозке, на которой и приехал сюда. Его повозка специально была подготовлена для дальних переездов и представляла собой некое подобие кареты. Обычно такую повозку тащил за собой огромный конь тяжеловес. Сам отец Михаил так же был уже седобородым стариком, его худощавое морщинистое лицо и решительный, хоть и измученный вид говорили том, что этот человек пережил много страданий и лишений, и всё же сохранил

ясность ума и трезвую память. Несмотря на стариковские болезни, отец Михаил мужественно переносил тяготы походной жизни. И всё же он мог себе позволить спать в более-менее уютной повозке, а не на голой земле. Добрыня же должен был проводить время со своим войском. И раз уж киевский князь затеял здесь такую масштабную стройку, то, очевидно, решил здесь надолго обосноваться, и от того мучения князя новгородского прекратятся очень нескоро.

За работой новгородские и киевские богатыри сблизились и хорошо узнали друг друга. Киевский воевода Анастас благословил новгородских витязей и тем самым посвятил их уже официально в богатыри. Это был высокий темноволосый мужчина в возрасте и пользовался большим уважением у болгарских богатырей. С собой он всегда носил священное писание, за чтением которого его не редко заставляли в минуты отдыха. Видно было, что Анастас был человеком, побывавшем во многих схватках и при этом глубоко и искренне верующим христианином. Были среди киевских богатырей и натуральные греки, в основном приехавшие с Корсуни, как и их воевода. Ведь именно Анастас помог князю Владимиру взять собственный город, он же считался духовным отцом князя. Многие крымские греки потянулись тогда за ним, на Русь. Самым прославленным из них был, пожалуй, сотник Леон, за свои подвиги прозванный Отважным. Леон Отважный был смуглым бородатым воином. Телосложением он не уступил бы, пожалуй, древнегреческому герою Гераклу. При этом тело его было испещрено шрамами, большой шрам от пореза так же был на правой щеке, проходил через веко и бровь. Получив в бою этот шрам, Леон едва не лишился глаза, и всё же справился и выстоял. Садку и Вольге он поначалу не понравился. Герой, прославленный в многих боях, вызывал у новгородцев только зависть. К тому же, Садко и Вольга от работы приобрели совершенно неопрятный вид, обросли бородами, одежды были всё время грязными, Леону же каким-то образом всегда удавалось сохранять приличный вид и как-то справляться с неприятным запахом.

– Чёртовы потыки, – ворчал про себя Садко. – Хорошо, что ещё свои крылья птичьи за спинами не носят.

– Они говорят, что одевают их только перед битвой, – вымолвил в ответ Вольга, – а в бою снимают. Но не все.

– Я не понимаю, Слава. У нас же есть свой воевода, почему этот болгарин Анастас командует нами?

– Спроси у Добрыни, ты же его крестник.

– С тех пор, как мы здесь, Добрыню заботит только его больная спина и ноющие кости.

Эх, поскорее бы вернулся уже Вася.

Вскоре на погосте появился Леон, сопровождавший незнакомого всадника, желающего говорить с князем Владимиром.

– Я слушаю, – не вставая с лавки у стены, вымолвил князь.

Незнакомец слез с коня, поклонился и заговорил:

– Чекленер – гонец ростовского князя Ошана приехал к великому князю Владимиру, чтобы сообщить, что богатырский воевода Василий Буслаев по воле князя Ошана сейчас находится в городе Ростове вместе со своей дружной.

– Ошан пленил моего человека? – удивлённо приподнял бровь князь Владимир.

– Да, то есть... – слегка растерялся гонец, – князь хочет говорить с великим киевским князем. Он велел передать, что не причинит зла христианам, и богатыри нужны ему, чтобы обезопасить город Ростов.

– Он вправду думает, что это поможет? – презрительно усмехнулся Владимир, – у Ошана несколько сотен наших людей, оглянись, гонец, нас здесь несколько тысяч. Если бы я хотел, я бы мог сравнять с землёй ваш городок, но я этого не хочу. Ладно, передавай своему князю, что я жду его здесь, в крепости Владимире. Пусть приедет, и мы обсудим с ним условия примирения. Я не хочу кровопролития. Достаточно уже пролилось крови на Руси.

Чекленер поклонился, уселся на коня и собрался уже отправиться туда, откуда приехал.

– Погоди, – остановил его киевский князь, – Леон, езжай с ним, я хочу, чтобы ты передал князю Ошану от меня подарок и послание, которое гонец должен передать ему лично, и только когда вы пребудете в Ростов.

– Как прикажешь, владыка, – отвечал богатырь.

И вскоре вместе с ростовским гонцом в путь отправился Леон, а так же ещё несколько богатырей, сопровождавших повозку, нагруженную богатыми подарками для ростовского князя. Чекленер был из тех мерян, которые ещё с раннего детства выучили язык русов. Это существенно облегчало жизнь в общении с соседними княжествами и своими согражданами, среди которых так же было много славян. И всё же знать в Ростове заседала в так называемом Чудском конце и гораздо лучше знала язык мери. Пленных же богатырей разместили в другом конце города, в отличии от разбойников, которые оставались в Чудском конце. Ситуация выводила новгородцев из себя. Они победили, но побеждённые ими не только не были казнены, как разбойники, но пользовались даже куда большим почётом и уважением в городе. Чеслав, как выяснилось, даже знал язык мери и мог свободно на нём общаться с местными, ходил слух, что однажды он даже был гостем в доме самого князя Ошана. Василия Буслаева не покидало ощущение, что его провели, будто он стал жертвой обмана, столкнувшись с неведомой напастью. Это ощущение усилилось, когда в Ростов прибыл сам Вахрамей Соловей со своей многочисленной свитой. Князь Ошан встречал его с распростёртыми объятиями, как старого друга, и они вместе отправились в избу князя.

– Давно мы не виделись с тобой, княже, – говорил Вахрамей на чудском языке.

– Да, давненько, Вахрамей, – отвечал князь, – в прошлый раз ты был ещё не таким важным человеком. Прятался к тени князя Всеволода. Но я всегда знал, что однажды ты выберешься из его тени.

– Всеволод Додон теряет своё могущество. Ему бы следовало быть более решительным в войне с врагами, но годы берут своё.

– И, тем не менее, недавно он сватался в мужья к одной из моих дочерей. Кстати, я слышал, у тебя тоже есть дочь, Вахрамей. Говорят, настоящая красавица. Ещё не выдаёшь её замуж?

– Я не тороплюсь с этим. У тебя много законных дочерей, князь, а у меня всего одна, и я не тороплюсь отпустить её от себя.

За этой беседой они дошли, наконец, до избы и вошли вовнутрь. Князь Ошан, нужно сказать, был уже очень стар, из светловолосого пожилого мери он превратился в седого старика. Потерянные зубы деформировали его челюсть, подбородок теперь сильно выпирал вперёд вместе с бородой. Ошан был один из самых старых, если не самым старым князем на Руси, и очень много повидал на своём веку. В своё время, когда все города Руси обращались в веру Перуна, а всех, кто противились этому, чародейская дружина обращала силой, Ростов каким-то чудом сохранил свою, самобытную веру. Помог в этом как раз Вахрамей, который получил тогда немалую взятку от князя Ошана. К тому же, Ростовская земля находилась на границе с мусульманской Булгарией, и при сильном давлении со стороны Киева могла перейти под власть своих соседей. Князь Владимир это понимал, так же как понимал и то, что Ростов останется с теми, кто предоставит ему больше независимости и с большим уважением отнесётся к его традициям. Киевский князь проявил здесь глубокую политическую чуткость и осторожность. Сейчас он действовал так же, и всё же, теперь у него помимо внешнего врага была ещё и сильный внутренний враг, а потому необходимо было как можно скорее крестить русскую землю, в особенности крупные города.

– Я знаю, зачем ты приехал, – вымолвил князь Ошан, когда остался наедине с Соловьём, – ты хочешь забрать своего сына. Уверяю тебя, за всё время, что он пребывал в Ростове, с ним хорошо обходились. Он ел тоже, что есть дружина. И всё же, он чинил разбой на моей земле, он воровал у моей дружины. И он должен за это заплатить.

- Ты прав, должен, – отвечал Вахрамей, – и я заплачу тебе выкуп. Золотом и серебром.
- У тебя есть золото и серебро? Тогда почему твой сын грабит сёла, чтобы прокормить себя и своё войско?
- Золото не будешь есть, и очень сложно на него что-то купить, когда основной торговый путь находится в руках твоего врага. Ты же сможешь купить на это золото всё, что захочешь, твои руки развязаны, в отличии от моих.
- Что ж, Вахрамей, и когда привезут моё золото?
- Как только князь Владимир с войском уберётся с ростовской земли. Сейчас опасно разезжать с такими богатствами. Можешь положиться на меня, князь, я не останусь в долгу перед тобой.
- Я верю тебе, Вахрамей. Можешь забрать своего сына. В конце концов, я обязан ему, ведь он сообщил мне, что к Ростову идут вооружённые богатыри.
- Что думаешь делать с ними?
- Тоже, что и с твоим сыном, потребую выкуп.
- А если не заплатят.
- Ошан не ответил, а на его многозначительном лице Вахрамей не смог ничего прочитать. Вскоре Чеслав, как всегда смазливый и самодовольный предстал перед отцом.
- Скажи своим людям, чтобы собирались в дорогу, мы уезжаем, – велел Вахрамей.
- Чеслав взглянул на князя Ошана, тот спокойно сидел с безразличным выражением лица и не вымолвил ни слова.
- Хорошо, отец, – промолвил юный чародей, – пусть вернут нам оружие.
- Князь уже распорядился об этом.
- И мне нужно кое с кем попрощаться.
- И с кем же?
- С богатырями, отец, – недобро улыбнулся Чеслав. На лице Вахрамея тоже появилась усмешка, и он решил отправиться вместе с сыном. Василий в то время умирал со скуки. Языка местных он не знал, его перемещения по городу были сильно ограничены: можно было гулять только возле двора, где содержали его и других богатырей. В десятке помещений на одном дворе разместили весь их отряд, и порой эта теснота становилась невыносимой. Нужно сказать, что за всё время нахождения в Новгороде Василий всё время брил лицо и настойчиво соблюдал гигиену тела, не теряя тем самым собственного достоинства в глазах врага. Он был ещё очень молод и хорош собой, однако, тоска съедала его изнутри. И вот сегодня Василий куда-то пропал, словно сквозь землю провалился. С утра его никто не видел ни в одной избе. Неужели он нарушил приказ и выбрался в город? Трудно было угадать, что у него на уме, оставалось только дожидаться возвращения воеводы. Где-то к обеду богатырь появился во дворе и застал здесь Костю Новоторжанина и Потамия Хромого.
- Где ты пропадал? – спросил его Костя.
- Нужно поговорить, – усаживался рядом воевода, – я беседовал сегодня с местными боярами.
- Ты выучил их наречие?
- Да нет, они и по-нашему говорить могут, только вид делают, что не умеют. Так вот, дружина впечатлена тем, как мы справились с разбойниками и зовёт нас к себе на службу.
- И что ты им ответил? – заглянул ему прямо в глаза Костя.
- Я сказал, что не могу один решать за всех и должен посоветоваться с другими богатырями.
- Мы не можем сражаться на стороне язычников.
- Почему нет? – возразил Потамий Хромой, – ведь мы простые наёмники, мы сражаемся за плату.
- Мы не простые наёмники, мы богатыри на службе у церкви, – молвил в ответ Костя.

– Да как не назови, всё равно мы наёмники. Наша клятва запрещает нам сражаться против христиан, но вовсе не запрещает сражаться на стороне язычников.

– А если Ошан пойдёт войной против христиан?

– Ошан никогда не пойдёт против Владимира, – уверенно отвечал Василий, – его главные враги – это болгарские князья, а они – мусульмане. Защитить от них могут только христиане.

– И много они обещали нам заплатить? – спрашивал Потамий.

– Много, – отвечал Василий, – и сверх того доля от добычи в схватках с булгарами. Князь Ошан очень богат и очень щедр. К тому же, если мы согласимся, думаю, князь Владимир не будет против, ведь наша служба в Ростове укрепила бы позиции христианства в городе.

– Вася, у меня семья, у меня молодая жена, – терял самообладание Костя, – если мы застрянем здесь, я ещё не скоро их увижу.

Потамий хотел, было, что-то возразить, но тут ворота закрипели, и Василий застыл, уставившись на гостей. Во двор вошли несколько человек в серебристых кольчугах, с мечами в руках. Вереди всех шли Чеслав и Вахрамей. Увидев их, Василий поднял с земли валявшуюся здесь палку, Костя и Потамий стали плечом к плечу с воеводой.

– Зашёл попрощаться с вами, – произнёс Чеслав, полный самодовольства и уверенности, – в особенности с тобой, Василий, сын Буслая.

– Тебя отпускают? – сквозь зубы прорычал воевода.

– Да, засиделся я тут что-то, пора домой. Видишь, как хорошо быть чародеем. Будь ты хоть сыном князя, ты всё равно был бы ниже меня.

– Это мы сейчас посмотрим, – и с этими словами Василий сделал шаг в сторону врага.

– Стой, где стоишь, – вытянул вперёд свой меч Чеслав, – вы безоружны, а мои люди вооружены. Без своей дубины ты никто.

Лицо Василия залилось краской от гнева, Костя и Потамий вовремя схватили его под руки и с трудом смогли удержать.

– Не надо, Вася, он того не стоит, – говорил ему Костя.

– Лучше убей меня сейчас, – прокричал Василий, – или потом я настигну тебя, и тебе ничто уже не поможет.

– Ты угрожаешь моему сыну? – заговорил теперь Вахрамей, – эх, как не умно. А, пожалуй, и впрямь было бы разумнее убить тебя сейчас, но не хочу портить отношения с князем Ошаном.

– Для начала я угрожаю тебе, Вахрамей, за то, что ты убил моего отца, Буслая, принёс его в жертву, как скот. Помнишь его? Существует только одно наказание за смерть дружинника – это смерть.

– Да, я прекрасно помню твоего отца, – отвечал Вахрамей, глядя прямо в глаза Василию. – Добрыня заплатил мне немалую сумму за работу. Я выполнял волю князя, как и ты, когда охотился на моего сына. Один и тот же человек приказывал и мне, и тебе. Только вот моих родственников Добрыня не убивал, здесь у меня совесть чиста. А вот ты служишь истинному убийце своего отца, а мстить хочешь почему-то мне.

И Василий вдруг поник головой и заскрежетал зубами. Как назло, на шум из домов выбрались все пленные богатыри и теперь стали невольными свидетелями этой унижительной для своего воеводы беседы.

– Что ж, мне пора, – вымолвил Вахрамей и действительно направился к воротам. Чеслав, с лица которого всё это время не сходила презрительная улыбка, отправился вместе с отцом.

– Вахрамей, – прокричал ему в спину Василий, – ещё увидимся, будь уверен!

Вахрамей ничего ему не ответил и поспешил покинуть двор вместе со своими людьми. Друзья отпустили, наконец, Василия, и он уселся на лавку.

– На службу к Ошану мы не пойдём, – проговорил он, сжимая кулаки.

Меж тем Вахрамей и Чеслав уже забрались на своих коней и вместе с остальными чародеями направились к городским воротам.

– Мне показалось, отец, или ты боишься этого людина? – спрашивал Чеслав отца.

– А тебя он не пугает? Где бы ты был, если бы не князь Опан?

Чеслав нахмурился, но всё же не сдавался.

– Он простой бешеный пёс, дикарь с дубиной в руках. А мы – чародеи. Это твои оборотни виноваты, они позволяли простым людям себя одолеть. Что я один мог поделаться?

– Василий Буслаев – воевода новгородских богатырей. У него есть целое войско. К тому же их поддерживают волхвы и защищают от злых чар.

– Но у тебя есть Кощей, отец. Он же вроде бессмертен.

– Кощей бессмертен, но его можно пленить и держать в неволе. Я использую его только в особых случаях. Сейчас же, когда князь Владимир рядом, лучше вообще его спрятать как можно дальше. Это моё секретное оружие. К тому же, христиане не так просты. Я обнаружил, что они могут быть гораздо сильнее, чем мы предполагали.

Городские ворота распахнулись, и всадники стали покидать Ростов. Соловей со своим сыном ехал впереди всех.

– О чём ты говоришь, отец? – не понимал Чеслав.

– Их бог может наделять их силой, которую называют благодатью. Наша чародейская сила передаётся через кровь, от одного чародея к другому. Благодать передаётся напрямую от Христа, и на кого она падёт, предугадать невозможно. Я знаю лишь, что те богатыри, которые пользуются защитой светлых чар, при помощи благодати становятся практически неуязвимы для чёрных чар, и с ними мы должны сражаться, как простые смертные.

– Думаешь, на Василия сошла благодать?

– Я не знаю, я же сказал, это невозможно угадать. Пока я знаю, что его защищают чары волхвов. Но не беспокойся, сын мой, Василий хоть и враг нам, но он против своей воли может быть нам очень полезен.

– Это как же? – удивился Чеслав.

– Божья благодать даёт силу, но не ограничивает в её использовании. Её можно использовать как во благо, так и во зло. Поэтому далеко не всем она достаётся. Василий, есть ли у него благодать или нет, обладает силой не человеческой. Человек такой силы не сможет долго оставаться у кого-то в подчинении. Однажды он взбунтуется и поднимет меч против своих командиров. И это будет нам очень на руку.

Чеслав лишь лукаво улыбнулся в ответ. Он ещё был далеко не так хитёр, как его отец, который прекрасно знал своих врагов, и сталкивая их лбами друг с другом, всегда оставался в выигрыше и наживал ещё больше богатства. Когда Вахрамей был всего лишь простым жрецом в Чернигове, больших трудов стоило ему добиться того, чтобы стать верховным жрецом и лидером клана. Сейчас же он был один из самых богатейших чародеев на Руси. Вахрамея даже можно было бы назвать самым богатым чародеем, если бы не был другой, который мог бы поспорить с ним и в богатстве и кое в чём ещё. Его называли Сорочинским Мастером. Место, на котором он поселился и основал свой клан называли Сорочинской горой. Уже сама по себе эта гора была неприступной, взять её штурмом никому бы не удалось. Здесь днём и ночью работали оружейники, создавая мощное чародейское оружие. И в этом Сорочинский Мастер так же превзошёл Вахрамея. Ведь Соловей так же занимался изготовлением чародейского оружия. Клан Белого Волка как-то взял на себя покровительство над одним кланом оружейников и сильно ему помог, взамен на своём оружии этот клан стал ставить печать белого волка. И всё же, пока существовал Сорочинский Мастер, спрос на его оружие был выше, чем спрос на оружие Вахрамея. У всех великих вождей колдунов были мечи и щиты, сделанные на Сорочинской горе. Это давало Сорочинскому Мастеру и богатство и влияние, которому позавидовал бы любой. И вот теперь Вахрамей решил, что настало время использовать своё нарастающее

могущество в борьбе с оружейником и тем самым сделать ещё один существенный шаг в подчинении колдунов своей власти. Соловей предложил клану Сорочинской горы своё покровительство. Те, естественно, ответили отказом. И вот теперь вождь решил начать войну против старого конкурента. Войну скрытую, чтобы не вызвать на себя гнев колдунов. Вести эту войну Вахрамеем и поручил сыну Чеславу. При этом ему строго-настрого было запрещено самому принимать в ней участие или задействовать в ней оборотней. Давление оказывали чародеи и упыри, которые находились под покровительством клана Белого Волка. Они не пытались взять гору приступом, не брали её и в осаду. Тактика была так же очень скрытной. Чародеи и упыри изматывали врага мелкими нападениями на людские поселения, расположенные у подножия горы, где жили рабы чародеев, воровали оружие, нападали на торговые караваны и суда. Всё это требовало немало времени, и потому Чеслав надолго исчез с Ростовской земли и с политической сцены севера Руси.

Глава 5.

Два князя.

Василий, как и другие богатыри, находился в расстроенных чувствах, когда в Ростов прибыли богатыри для дипломатической миссии. Возглавлял их отряд богатырь Леон Отважный, который своим шрамом на лице чем-то напоминал Василию покойного Чурилу. Ростовский князь Ошан радушно принял гостей в своём тереме, украшенном резьбой и росписью. Леон, выросший в Ромейской Державе, с детства был приучен к прекрасному и не мог не восхититься самобытностью и красотой убранства княжеского терема.

– У тебя очень красивый дом, князь, – говорил он, – я и не думал, что строения из дерева могут быть выполнены с таким вкусом.

Ошан расплылся в улыбке, слова гонца явно обрадовали его.

– Увы, в Ростове почти нет строений из камня, – отвечал он, – но я надеюсь, что они когда-нибудь появятся и здесь.

– Зодчие из империи – настоящие мастера. Их строения не перестают радовать жителей Киева. Надеюсь, однажды они смогут порадовать своим мастерством и жителей Ростова.

– Что же, посмотрим. Говори же, гонец, с чем прибыл?

– Киевский князь велел кланяться тебе, – молвил Леон, – и просит тебя отпустить на свободу пленных богатырей. Князь Владимир не хочет войны и шлёт тебе от себя подарки.

– Хм, интересно, и что это за подарки?

Леон подал знак, и богатыри внесли в горницу несколько сундуков. В одном сундуке было богатое ромейское сукно, в другом – северные меха, в третьем – различные византийские вина. В конце богатыри принесли красный свёрток, в котором был завернут острый как бритва, обоюдоострый меч, отполированный до зеркального блеска, с украшенным резьбой и золотом эфесом.

– Меч, выполненный лучшими киевскими мастерами. Этот подарок князь шлёт лично тебе.

– Что ж, – поглаживал седую бороду князь Ошан, – вижу, князь не скуп и серьёзно настроен на дружбу. Будь по-вашему, я освобождаю богатырей, но в ближайшее время жду князя Владимира в Ростове лично.

В ответ Леон поклонился и направился к выходу. Стража проводила его ко двору, где содержались пленные богатыри. Новгородцы всем отрядом вышли встречать своих спасителей. Леон слез с коня и низко поклонился им. Василий с богатырями поклонились в ответ.

– Вы свободны, – вымолвил Леон, – князь Ошан освобождает вас. Вам вернут ваше оружие и ваших коней, чтобы мы вместе отправились во Владимир.

– Куда отправились? – переспросил Василий.

– Во Владимир. Так была названа основанная нами крепость на Клязьме. В честь великого князя.

– Что ж, Леон, благодарю тебя. Я знаю, ты хороший воин, и я хотел бы поговорить с тобой наедине.

Ромейский богатырь кивком головы высказал своё согласие и вместе с Василием отправился в избу.

– Как же здесь тесно, – проговорил Леон, располагаясь внутри, – я доложу князю, в каких условиях вас содержали.

– К чёрту эти условия, Леон. Я хотел говорить с тобой совсем о другом. Незадолго до вас в Ростов приезжал чародей Вахрамей. Думаю, ты хорошо знаешь, кто это такой.

– Да, я слышан о нём.

– Он наш враг. Разбойники, которых мы схватили и одолели в бою, грабили под началом его сына – Чеслава. Вахрамей недавно сам приехал в Ростов, и князь Ошан отпустил с ним Чеслава. Ты понимаешь, что это значит? Ошану нельзя доверять, он в союзе с Вахрамеем.

– Если это правда, Василий, мы должны немедленно доложить об этом князю Владимиру. Но у него нет ни времени, ни желания воевать с Ростовом.

– Воевать с Ростовом и не нужно. Нужно лишь надавить на Ошана, чтобы он выдал нам место нахождения Вахрамея и помог нам его изловить. Мы прихлопнем этого чародея, как муху, и тем самым избавим Русь от страшного врага.

– В чём-то ты прав, воевода. Я слышал, что Всеволод Додон, ещё будучи черниговским князем, сделал Вахрамея своим верховным жрецом. Вероятно, здесь зреет какой-то заговор против киевского князя. Когда мы прибудем во Владимир, я буду добиваться, чтобы мы вместе переговорили с князем.

– Благодарю тебя, Леон. Я знал, что на тебя можно положиться.

И они обменялись крепкими рукопожатиями. Вскоре двое стражников принесли палицу Василия, а затем привели и его коня. Богатыри были готовы, и когда появился их воевода, отправились в путь. Вместе с ними князь Ошан отправил подарки князю Владимиру – полсотни добрых ростовских жеребцов. Подарки пришлись князю Владимиру по душе. Одного мощного вороного коня за уздцы к нему подвёл Леон.

– Князь Ошан сказал, что это лучший из ростовских скакунов, которого он приносит к тебе в дар.

– Ба, – вымолвил Владимир, – вот так жеребец.

Князь взялся за поводья и погладил коня по гриве. Подарок ему явно нравился, да настолько сильно, что Владимир без всяких отлагательств решил сесть на нём. Сколь конь был мощным, столь он был понятливым и покорным. Владимир словно помолодел и заново стал юным и дерзким завоевателем, каким был когда-то.

– Я всегда говорил, что лучшие кони вырастают в диких местах, – вымолвил князь, – Добрыня, готовься, завтра же отправляемся в Ростов.

– Князь, – обратился Леон, – мне и Василию нужно поговорить с тобой, он хочет кое-что рассказать тебе про князя Ошана.

Владимир как-то подозрительно посмотрел на новгородского воеводу, но согласился его выслушать. С каждым словом его лицо принимало всё более задумчивое выражение.

– Это отличный шанс уничтожить Вахрамея, – закончил свой рассказ Василий, – прошу, отправь меня на это дело, князь.

– Вахрамей – чародей опасный, – проговорил князь, – однажды я даже чуть не погиб по его вине. Вижу, Василий, ты с пользой провёл время в Ростове. Хоть и попался, как глупый зверёк в аркан.

– Князь, их содержали в ужасных условиях, – заговорил Леон, видя, как багровеет лицо Василия, – по-моему, это неуважение к церкви и к тебе лично.

– Вы сказали мне всё, что я должен знать, но решение принимать мне, а не вам. Ступайте, богатыри, завтра я отправляюсь в Ростов.

Василий остался недоволен этим разговором и так и не понял, каковым будет решение князя. Будто бы князь ему не доверял. Василий не знал о разговоре, который состоялся до этого между князем и Добрыней.

– Может, пока не будем спешить вызволять наших пленных? – как бы невзначай спрашивал Добрыня. Князь, однако, отвечал ему с некоторым недоумением:

– Отчего же, Добрыня? Ты что, боишься этого Василия?

– Он хороший воин, но неуправляемый, дерзкий. Всё злится за своего отца – Буслая, которого я однажды отдал на растерзание Вахрамею Соловью.

– Хм, выходит, Вахрамей – его кровный враг?

– Как и твой князь.

– Да нет, я не держу зла на Вахрамея. Нет, он, конечно, пытался меня убить, и свидетели под пыткой признали, что действовали по его навету. Но он не опасен, он не колдун. Наверняка, он и сам тогда действовал по чьей-то указке. А за хорошую деньги Вахрамей и колдунов нам продаст. Он может быть нам ещё полезен. А этого дерзкого мальчишку – Василия, мы научим подчинению, не сомневайся.

Одно тогда лишь радовало новгородского богатырского воеводу, что он вернулся к своему войску. Он с трудом узнал в двух бородатых дикарях своих товарищей – Садка и Вольгу. Но ещё больше удивило его, как изменился за такой короткий срок городок Владимир. Деревянные строения здесь росли, как грибы. Появились острог и небольшой бревенчатый храм, был заложен главный терем и другие жилые помещения. Во время ужина Леон внезапно присоединился к новгородским богатырям.

– Я говорил с воеводой Анастасом, – заговорил киевский богатырь, – он сказал, что не будет действовать без приказа князя Владимира. Единственный, кто может нам помочь – это митрополит Михаил, но он тоже завтра отбывает в Ростов, вместе с князем.

– Упустим время, упустим Вахрамея, – вымолвил Василий.

– И что ты предлагаешь? – спросил Садко.

– Если Белый Волк где-то рядом, – говорил Вольга, – то я легко смогу разыскать его.

– Без приказа князя? – удивился Леон.

– Князь нам потом только спасибо скажет, – отвечал Василий, – мы принесём ему на блюдечку голову его врага.

– Вы плохо знаете князя Владимира. Если вы слушаетесь его, да ещё в его отсутствие, пощады не ждите. Он велел нам быть здесь и строить дома в погосте. У него большие планы на крепость Владимир.

– Согласен, – произнёс вдруг Садко, – вы как хотите, но я до возвращения князя останусь здесь.

– А ты что скажешь, Вольга? – спросил Василий.

– Не стоит торопиться, Вахрамей никуда не денется. Подождём, чем закончатся переговоры с Ошаном.

– Чёрт побери, братья, я не узнаю вас. Мы же не плотники, не строители, мы – воины. А здесь нас заставляют работать, не покладая рук. Посмотрите на себя, во что вы превратились? Вы же богатыри, а выглядите, как обычные мужики.

– Да, тут ты прав, блохи нас теперь грызут как простых мужиков в Людином конце, – отвечал Садко.

– И тебе это нравится?

– Ну, можно и так сказать, привык уже, как к родным.

– Вы как хотите, братцы, но я больше строить не буду. Хватит, и так уже вон сколько изб выстроили. А если князь хочет до зимы основать тут целый город, пусть платит за работу или нанимает рабочих за плату.

А рано поутру князь Владимир со своей свитой и митрополитом Михаилом отправился в Ростов. За старшего на заставе остался новгородский дружинник Сигурд. Его скандинавы роптали и не хотели работать не меньше других, и всё же авторитет Сигурда был для них столь велик, что они вынуждены были подчиняться. Нужно сказать, что чуть меньше года назад митрополит Михаил уже бывал на ростовской земле. Тогда, осенью 990-года киевские войска брали приступом Чернигов. Митрополит торопился, чтобы до зимы вернуться в Киев. До Ростова он так тогда и не дошёл, ненадолго остановился в Суздалье и договорился о возведении в городе христианского храма. Оставив здесь несколько десятков миссионеров, митрополит той же дорогой отбыл в столицу. Теперь, весной уже следующего года, когда Чернигов освободили от Всеволода и чародеев, гонцы отца Михаила навесили Суздаль и отметили там существенные успехи в распространении христианской веры. Теперь же он вместе с князем Владимиром отправлялся в куда более крупный и могущественный город восточной Руси – Ростов. Князь Ошан был наслышан о обоих своих гостях, но никогда не видел их, а потому поначалу даже перепутал их и принял старого Михаила за киевского князя, а молодого князя за жреца новой веры. Но когда они, наконец, во всём разобрались, Ошан пригласил гостей в своей терем, где они уже продолжили беседу.

– Что ж, Владимир, князь киевский, – говорил он, – вино, что ты прислал мне, очень всем понравилось. Не могу припомнить, чтобы пил вино лучше этого. Кстати, я велел открыть бутылку в честь нашей встречи. Не желаешь ли?

– С удовольствием, – отвечал Владимир. – В свою очередь хочу, князь ростовский, тебе заметить, что мне редко приходилось видеть таких отменных жеребцов, каких мне подарил ты. Особенно тот, что предназначался лично для меня. Как видишь, я приехал сюда верхом на нём.

Ошан улыбнулся и дал Владимиру чашу с вином. Другую чашу он протянул отцу Михаилу, но тот любезно отказался.

– Не любишь вина, жрец? – спросил ростовский князь, – или вера запрещает тебе?

– Запрещает, – отвечал Михаил.

– Странная у вас вера. Я слышал, что у болгар тоже есть похожие запреты. Не пей вина, не ешь свинины.

– Этот запрет в нашей вере касается только жрецов, – вымолвил Владимир.

– Вот как? Как я понял, князь, ты пришёл, чтобы крестить в эту веру мою землю?

– Мне бы этого очень хотелось, но наша вера такова, что мы не можем принуждать людей к ней силой. Она основана на милосердии и любви к ближнему. То, что случилось в Новгороде и Чернигове – это вынужденные исключения. Колдуны объявили мне войну, я вынужден был действовать жёстко.

– А как ты хочешь действовать в Ростове? – спрашивал Ошан, отпивая вина из своей чаши. Он вглядывался в лицо князя Владимира, ну а тот разглядывал своего собеседника. В этот момент каждый пытался читать подлинность намерений по лицу второго. Казалось, никакая мелочь не ускользает от их взора, а ложь и лукавство будут распознаны в момент.

– Я уже много сделал, – отвечал Владимир, – на реке Клязьме я основал крепость, названную в мою честь. Вскоре эта крепость превратится в настоящую заставу, которая будет защищать южные границы Руси и город Ростов. Печенеги убили моего отца, и я хочу закрыть им дорогу на нашу землю. Для этого мне нужны опытные и знатные воины. На новой заставе ещё нет дружины, значит, её нужно создать, а точнее, привезти туда.

– А я уж, было подумал, что эта крепость нужна для войны с Ростовом. Обычно заставы на ростовской земле появляются только по воле ростовцев. Что ж, а теперь тебе нужны мои дружинники?

– И не только твои, князь. Мне нужны самые знатные и лучшие люди со всей Руси. Я послал гонцов в Смоленск и даже к вятичам. И те, и другие обещали прислать мне своих дру-

жинников. Так же там останутся новгородские и киевские дружинники. Думаю, ты сделаешь тоже самое, ведь защита южных границ так же важна для тебя, как и для меня.

– Важна. Но стоит ли доверять вятичам? Ведь совсем недавно они восстали против твоей власти, и ты справедливо их покарал.

– Думаю, это хороший повод помириться с ними.

– Однако прежде с защитой ростовской земли справлялась и ростовская дружина, – призадумался князь Ошан. – Впрочем, я вижу, князь киевский, ты уже не отступишься, ведь в борьбе с печенегами за тобой правда. Будь по-твоему, я дам тебе своих бояр. Мой дружинник Путята, кажется, уже воевал за тебя, он христианин и даже помог Добрыне крестить Новгород. Пусть же он и будет воеводой на Владимирской заставе.

– Путята – достойный дружинник, но я не могу сделать его воеводой.

– Отчего же? – даже несколько возмутился князь Ошан. – Не забывай, что твоя застава находится на ростовской земле, а эта земля принадлежит мне и моей дружине. Поэтому на всех заставах у нас начальствуют наши бояре.

– Разумеется, великий князь, – лукаво прищурился князь Владимир, – поэтому я хотел просить тебя об услуге. Я хочу, чтобы мой сын – Ярослав, стал твоим дружинником. Взамен Путяту я возьму к себе, в киевскую дружину. Тем самым наши дружины породнятся. Мы станем ещё ближе друг к другу. Сейчас мой сын Ярослав ещё очень мал, но у него уже есть свои владения в новгородской и переяславской земле. Он сможет стать достойным воеводой на Владимирской заставе. А до той поры, пока Ярослав не вступит в свои владения, пусть от его имени правит мой верный дружинник – Сигурд.

Князь Ошан задумался ещё крепче. Нелегко было принимать решение, когда под боком стояло огромное войско в полной боевой готовности, а теперь киевский князь фактически хотел расположить здесь войско на постоянной основе. С одной стороны, сделка выглядела честной и очень выгодной. Путята становился дружинником в Киеве, а Ярослав – в Ростове. Но если в Киеве власть была в руках одного рода, то в Ростове ещё каждый боярин мог стать князем. Сам Ошан тоже долгое время был лишь боярином, а князем стал уже в 37 лет. Более того, он не был рождён дружинником и стал таким лишь тогда, когда боярский титул пожаловали его отцу. Таким образом, если сын князя Владимира становился ростовским дружинником, то впоследствии его могли выбрать ростовским князем после кончины Ошана. Сомнений не было, что Владимир сделает всё возможное, чтобы это случилось, так же как в своё время его отец – Святослав добился того, чтобы Владимира выбрали новгородским князем. А как только юный Ярослав станет ростовским князем, этот город полностью подчиниться Киеву и будет крещён в чужую веру. И всё же, формально эта сделка выглядела честной. Ведь никто ещё не признал, что Рюриковичи бессменно должны править Киевом, да ещё и всей Русью, и потому теоретически даже Путята мог в будущем претендовать на должность киевского князя. Если, например, род Рюрика ослаб бы и уступил свои позиции. Князь Ошан искал способа уйти от соглашения, и не находил его. Любой его отказ сейчас выглядел бы как объявление войны, которая с наибольшей вероятностью была бы сейчас проиграна. Для этого у Владимира было уже и большое войско, и своя крепость. В глазах знати Ошан был бы агрессором, а киевский князь лишь защищался бы. Излюбленная тактика знатных людей – заставлять врага нападать первым, чтобы любая жестокость выглядела как самооборона. Ростовский князь и сам прекрасно знал эту тактику и использовал её искусно много раз, в том числе и тогда, когда домогался должности князя. Но теперь опытный Ошан должен был признать, что юный Владимир его перехитрил. В конце концов, Ярослав был ещё ребёнком, и много времени должно было пройти, прежде чем он вступит в Ростове в свои права.

– Будь по-твоему князь, – вымолвил, наконец, Ошан, нахмутив взгляд. – О чём ещё хочешь договориться?

– Сушие мелочи. Отец Михаил настаивает на том, чтобы в Ростове построили христианский храм. Думаю, ты не будешь против, ведь никого не будут принуждать здесь к христианской вере силой, от тебя мне нужно, чтобы ты не противился, если кто добровольно захочет перейти в новую веру.

– Что ж, даю слово, их никто не тронет, – отвечал князь Ошан.

– Кого бы нам сделать настоятелем храма, отец Михаил?

– Думаю, отец Феодор подойдёт, – произнёс митрополит, – я давно его знаю, и он уже хорошо изучил язык славян. Назовём этот храм храмом Успения.

– А как же быть с Авраамием, владыка? Он уже давно проповедует христианскую веру в Ростове и привлёк к себе некоторых местных?

– Авраамий – человек мне не знакомый, а Феодора я знаю уже много лет. Авраамий же может помочь ему, обучать священников языку чуди, чтобы те могли нести всем местным слово Божье.

– Авраамий – страшный человек, – заговорил князь Ошан, – я слышал о нём. Он намеренно обрекает себя на нищету, да ещё и других сманивает на свою сторону, чтобы они не наживали богатства.

– И всё же – он христианин, – отвечал князь Владимир.

Ростовский князь не нашёлся, чем бы ему возразить. Он чувствовал себя мухой, попавшей в искусно сплетённую паутину очень хитрого паука. Сын рабыни обвёл его вокруг пальца, но в конце концов, если он даже ромейских императоров заставлял поступать по-своему, могли старый меря как-то ему воспротивиться? И вот, дело было сделано, два князя договорились. Князь Владимир был доволен собой, он одержал победу, не пролив ни единой капли крови. Нужно было отдать ему должное – он был превосходным стратегом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.